



НЕ БУДТЕ ГАУРДАКА
Волшебный горшочек
Гийядина

6

Светлана Багдерина

Калиф Ахмет Гийядин Амн-аль-Хасс — единственный Наследник, принявший своих новых товарищей с распростертыми объятьями. Но только в объятиях ведь можно и задушить — в чем очень скоро гости калифа убедятся на собственном опыте.

Как можно забрать с собой человека, который сопротивляется, расшвыривая воинов и чародеев как кукол? И откуда у их старого знакомого Ахмета вдруг появились магические способности? Всемирный закон: если на вопросы не находится ответов, если всё идет наперекосяк, если понять ничего невозможно — ищите женщину.

Светлана Багдерина

Волшебный горшок Гийядина

В чистом небе Шатт-аль-Шейха, выбеленном обжигающим полуденным солнцем как прошлогодние кости в Перечной пустыне — ни облачка, ни дымки, ни тени. Слабый чахоточный ветерок, апатично вздохнув пару раз утром, пропал, словно его и не было в благословенном калифате от веку веков. И с восходом над городом разлилась и заняла свое привычное место ее величество жара, щедро покрывая дрожащей марью улицы, переулки, дома, фонтаны, колодцы, лавки, мастерские, караван-сарай, чайханы и базары — вечные и шумные, как водопады, хоть и не видимые отсюда, с северной сигнальной башни дворца — одним словом, весь древний славный город на берегу реки Шейх.

Селим Охотник, грузный старый стражник, утер пот большим носовым платком с коричневого лба, изрезанного арыками глубоких морщин, и потянулся к притулившейся в углу навеса фляжке. Вода в ней, несомненно, за долгие часы караула успела согреться и разве что не вскипеть, но другой у него всё равно не было, а если философски подойти к этому вопросу, то на полуденном зное вода горячая и безвкусная гораздо лучше, чем воды

никакой.

Конечно, можно было рискнуть и сбежать вниз — набрать искрящейся в лучах живительной влаги из крайнего фонтана у подножия башни — воду туда подавали из подземного резервуара, питаемого родниками — но в свете последних событий во дворце ветеран предпочел бы остаться вовсе без воды, чем быть замеченным внизу во время дежурства на башне.

Хотя, конечно, какое там дежурство — сплошная дань традициям: ¹ кто в своем уме и среди бела дня станет подавать какие-нибудь сигналы, бунтовать или нападать в самое жесточайшее пекло, да еще в преддверии сезона песчаных бурь? А сотнику нашему Хабибулле всё едино, что халва, что гуталин, лишь бы караул-баши отрапортовать: за подотчетный период прошедшего времени входящих сообщений не поступало, исходящих не исходило, актов гражданского неповиновения совершено в количестве ноль мероприятий...

Жарко... какое тут неповиновение... в тень забраться и вздремнуть — вот и весь предел

¹ Или, учитывая состояние караульных на пяточке в несколько квадратных метров под символическим матерчатым навесом, скорее, жертвоприношение.

народных чаяний... пока сотник не видит... и шлем можно снять... на колени положить... покуда мозги окончательно под ним не запеклись... а как шаги его по лестнице услышу... так сразу... так сразу... и...

— Добрый день! Извините, вы не подскажете, как найти калифа?

Шлем, пика, сабля, фляжка со звонким грохотом брызнули в разные стороны, Селим вскочил, панически моргая невидящими, залитыми сном глазами, сыпля междометиями и размахивая руками в поисках нарушителя его сиесты. И тут в разговор вступил второй голос, донесшийся не снизу, с лестницы, а откуда-то сверху, как и первый, если спокойно вспомнить:

— Я ж тебе говорила, сначала по плечу надо было похлопать, а ты — «испугается, испугается...»

«Если бы меня среди тишины и чистого неба кто-то похлопал бы по плечу, я бы тогда точно не испугался», — уверенно подумал стражник, напяливая задом наперед трясущимися руками медный шлем с потисканным фазаньим пером. — «Я бы тогда просто не проснулся». А вслух спросил, напуская вид на себя суровый и грозный, насколько оставшихся сил душевных и опыта небоевого хватало:

— А вы кто такие, а? По какому такому делу к

его сиятельному величеству без разрешения заявляетесь?

— По государственному, — не менее сурово и грозно проговорил с ковра-самолета огромный рыжий детина в рогатом шлеме, увешанный топорами как новогодняя пальма — шоколадными тушканчиками.

Селим понял, что его грозность по сравнению с этой грозностью — радостный детский смех, погрузтел заметно, но мужественно предпринял последнюю попытку:

— Если дело ваше недостаточно государственное — берегитесь! С его сиятельным величеством шутки плохи!

— У него нет чувства юмора? — ангельский голосок северной девы такой же ангельской внешности, прозвучавший из-за плеча рогатого монстра, заставил Охотника² позабыть обо всем и захлопать глазами.

— Э-э-э... нет?.. Есть?.. Не знаю?.. — сулейманин пал под ударным воздействием глаз прекрасной чужеземки, голубых, как озера Гвента, и расплылся в умильной улыбке. — Лик твой, подобный луне, о младая гурия, затмевает своей

² Не в последнюю очередь получившего свое прозвище из-за слабости к женскому полу.

красотой полуденное солнце!

Луноликая дева из радужных грёз,
Разреши мне задать самый важный вопрос:
Ты, явившись с небес, мне слегка
улыбнулась —

Это шутка была, или это всерьёз?³

— И вовсе у меня лицо не круглое, —
обиделась неожиданно для Селима младая гурия и
капризно спрятала луноликую физиономию за
спину упитанного светловолосого человека в чалме
из полотенца набекрень и с арфой наперевес.

— Короче, дозорный-кругозорный, где нам
вашего калифа сейчас лучше искать? — из-за плеча
другого северянина — худощавого и сероглазого, в
широкополой соломенной шляпе, выглянул с
вопросом по существу не то отрок, не то девица.

— Раньше в это время его сиятельное
величество калиф Ахмет Гийядин Амн-аль-Хасс, да
продлит Всевышний его годы, искал уединения в
Восточном Саду Роз в обществе придворных
мудрецов и звездочетов...

Голос Селима нерешительно замер.

³ Здесь и далее Селима «озвучивал» стихами Дмитрий Казанцев.

— А сейчас? — поинтересовался человек в песочного цвета балахоне и такого же цвета шляпе с широкими, загнутыми по бокам полями, молчаливо до сих пор лежавший в обнимку с длинной палкой.

— Сейчас... кто его знает?.. — старый стражник нервно оглянулся по сторонам и посмотрел в лестничный проем. — В последние несколько дней... его привычки... несколько... поменялись... Да останется неизменной его удача и благоденствие!

— А что случилось? — заинтересованно спросил рогатый.

— Он заболел? — озабоченно нахмурился сероглазый.

— Сменил хобби? — предположил лежачий.

— Влюбился? — выглянула из-за музыканта как из-за тучки не сердитая больше луна.

— Э-э-э, не-е-ет. Тут дела позапутанней были...

— Какие? — с нетерпеливым интересом воззрилась на него Эссельте.

Старый стражник оглянулся по сторонам, как будто летающие на коврах-самолетах люди посреди сулейманской столицы были делом обыденным, словно песчаная буря в июне, прислушался, не скрипит ли лестница внизу под ногами сотника, откашлялся, и заговорщицки понизив голос,

спросил:

— Вы по пути сюда голову у главных ворот дворца видали?

— Чью? — полюбопытствовал Кириан.

— Злого колдуна! — с гордостью и торжеством выпалил Охотник, словно отделение головы злого колдуна от всего остального злого колдуна было его персональной заслугой.

— Д-да? — скептически процедил сквозь зубы Агафон. — Знаю я ваших злых колдунов... Поймают какого-нибудь полоумного шептуна, который якобы порчу на соседских кур наводил, и вот вам — злой колдун готов! Оторвем ему голову, и будем герои!

— А вот и нет! — ревностно выпятил Селим покрытую стальными пластинами грудь. — Этот был самый настоящий! Даром, что молодой — говорят, едва за двадцать перевалило!

— Веков? — знакомый со сроками жизни волшебников лишь по сагам, преданиям и Адалету, уточнил Олаф.

— Лет! — взмахнув руками, словно отгоняя дух почившего несладким сном колдуна, воскликнул стражник. — Ему, дурню, по девкам надо было еще бегать — стихи сочинять, под окнами на дугаре брэнчать по ночам, ленты дарить да халву, а он туда же...

— И что — прямо в двадцать, и прямо

злой? — всё еще недоверчиво, не слишком убежденная страстной речью сулейманина, проговорила Серафима.

— Да еще какой!!! — Селим вытаращил для убедительности глаза и встопорщил усы. — Караул-баши позавчера на политинформации рассказывал, что этот самый колдун наводил черные чары на нашего пресветлого калифа, да продлит премудрый Сулейман его годы — и на весь дворец!

— Врет, — решительно фыркнул Агафон.

— Чистая истина!!! — грохнул себя стражник кулаком в грудь. — Самолично подтверждаю!!! Вы-то не видели и не знаете, а у нас ребята, которые повпечатлительней, ночью в караул ходить отказывались!!! Тут у нас с заходом солнца такое творилось... такое... такое!..

— Какое?.. — завороженно выдохнула Эссельте в сладком ожидании дивной и страшной истории.

И не ошиблась.

— Вещи, люди летали вверх тормашками! Вода из бассейнов и фонтанов выплескивалась! — взхлеб принялся перечислять Охотник, старательно загибая пальцы левой руки при помощи правой. — Земля под ногами дрожала! На кухне — что ни ночь, то пожар!..

Впечатленные путешественники

переглянулись и поджали губы в дружном согласии. Летающие вверх тормашками люди, выплескивающаяся вода вкупе с землетрясением и пожаром папахивали черным магом вполне определенно.

— ...А потом это дитя гиены и шакала еще и пришло требовать, чтобы его взяли на службу придворным волшебником, а взамен, дескать, так и быть, он перестанет на нас колдовать! Милость окажет!

— И ему отрубили за это голову, — подытожила Эссельте.

— Ага! — довольный, что его мысль наконец-то была понята, радостно закивал ветеран, умильно взирая на луноликую гурию.

— И все безобразия тут же прекратились? — спросила Сенька.

— Как отрезало! — заверил Селим и чиркнул большим пальцем себе по шее.

— А вот не надо было его казнить, — запоздало подал строгий голос Агафон, словно задумавшийся о чем-то ранее.

— Это почему еще?.. — ошарашенно заморгал сулейманин и, на всякий случай, попятился, нащупывая у стены алебарду.

— Взяли бы его на работу, оклад положили хороший, глядишь, от других бы колдунов защищать вас стал, — то ли из упрямства, то ли из

профессиональной солидарности его премудрие предложил свой вариант разрешения трудового спора.

— А-а, вы про это!.. — с некоторым облегчением перевел дух Охотник. — Так на кой такыр его сиятельному величеству при дворе два чародея?

— Так у него один уже был? — удивленный таким поворотом сюжета, поднял брови волшебник.

— Ну да!

— И какая с него польза, если он не мог с тем колдуном справиться?

Селим внезапно посуровел.

— Какая от кого тут польза — не мне решать! Вот предстанете пред ликом его сиятельного величества, у него и спросите, если уж вас это так волнует! И вообще — разговорились вы тут что-то, я смотрю! Лицо при исполнении отвлекаете! Вместо того чтобы по инстанциям перемещаться!

— Что у тебя тут, Селим, за собрание? — вслед за скрипом разошедшихся ступенек донесся снизу, из лестничного проема, слегка подозрительный и более чем слегка недовольный хриплый голос.

— Воздушные путешественники по важному делу к его сиятельному величеству калифу Ахмету Гийядину Амн-аль-Хассу, господин сотник! — рьяно отрапортовал стражник, вытягиваясь во

фрунт.

— Воздушные?.. — из квадратного проема люка показалась сначала кольчужная чалма начальника Селима, потом грозно насупленные брови, почти закрывающие мечущие грома и молнии глаза, затем — крючковатый мясистый нос над искривившимися в высочайшей степени неодобрения толстыми губами. — А почему ты до сих пор ко мне их не направил? А, подлец? Сказки им тут рассказываешь? Сплетни распускаешь? Слухи мусолишь?

— Никак нет, господин сотник! Описывал им место вашего нахождения, господин сотник! Только что подлетели, господин сотник! — во все пересохшее от страха горло отрапортовал Охотник и испуганно замер, как кролик перед удавом.

— Зна-аю я тебя, Охотник... — ничуть не умиротворенный, протянул начальник караула, ухватился за перила и тяжелым рывком полностью извлек себя на смотровую площадку. — Соврешь — недорого возьмешь. Всё тебе нейдет, блоха ты верблюжья. Стихоплётца... Все вы такие... трепачи безмозглые... Распустились... языки распустили... бездельники... дармоеды...

— Кстати, о бездельниках. Мы как раз собирались отправиться на твои поиски, — конунг поспешно вклинился в обвинительную речь командира, дипломатично выгораживая попавшего

в немилость разговорчивого, но невезучего охранника дворцового порядка.

— Он так замечательно объяснил, где вас можно найти, что и ночью безлунной, наверное, отыскали бы, — елейно хлопая глазками и усердно кивая, поддержала его Серафима.

— И ни слова лишнего — речь чеканная, как шаг на параде!левой-правой! Равняйся-смирно! Руби-коли! — старательно вплепел и Кириан свой убежденный голос в хор спасателей.

— Он — настоящий воин! — хвалебным мажорным аккордом завершила речь защиты Эссельте.

— Угу... настоящий... — перекосило брюзгливо сотника, всем своим видом дающего понять, кто у них тут настоящий воин, а кто — верблюжья колючка прошлогодняя.

Но, оглянув сладким глазом северную принцессу, кокетливо обмахивающуюся пучком пальмовых листьев, Хабибулла лишь продемонстрировал исподтишка волосатый кулак Селиму, застывшему подобно деревянному истукану, и дискуссию на этом закрыл.

— А вообще-то, — заносчиво скрестил руки на груди и проговорил чародей, — мы прибыли сюда с другого конца Белого Света для того, чтобы встретиться с калифом Ахметом Гийядином по очень срочному и важному делу!

— Срочному? Важному?

Позабыв на время про притихшего, как мышь под веником, Селима, сотник окинул путешественников оценивающим взором, задумчиво пожевал длинный напомаженный ус, неспешно потер кулаком подбородок, потом шею, и, наконец, кивнул.

— Ну хорошо. Я провожу вас.

— К калифу? — доверчиво спросила Эссельте.

— К его превосходительству караул-баши. А уж он, если сочтет нужным, проведет вас к его великолепию визирю правой руки, — многозначительно и напыщенно выговорил сулейманин название высокого чудесного титула. — В это время они обычно изволят разбирать счетные книги на ковре у фонтана во внутреннем двореке центрального дворца. Они и решат, достаточно ли важное ваше дело, чтобы отвлекать от государственных вопросов самого пресветлого калифа, или лепешки коровьей не стоит. Летите за мной!

— Полетели?

— А-а-а!!!..

Начальник караула вдруг с ужасом почувствовал, что действительно взлетает. Но не успел он как следует включить звук, как оказался усаженным на ковер, а могучая рука, оторвавшая

его от пола башни, уже отпустила ворот его бурнуса и успокаивающе, словно гвозди заколачивала, хлопнула по спине, выбивая пыль и спесь.

— Закрой рот и показывай дорогу, настоящий воин.

Сосредоточенные стражники у дверей покоев калифа при виде визиря вытянулись по стойке «смирно», вскинули головы и ревностно прижали к плечам алебарды устрашающего вида.

— На данный момент его сиятельное величество пребывают во внутренних покоях, — легким наклоном головы визирь правой руки указал на дверь, изукрашенную инкрустацией из драгоценных пород дерева и слоновой кости. — Подождите здесь, в Агатовом зале, пока я о вас доложу.

— Конечно, подождем, не беспокойтесь, — дружелюбно улыбнулся Иванушка, и чиновник, одарив его странным взглядом, приоткрыл одну створку и юркнул внутрь.

— Мог бы и присесть предложить усталым путникам, — брюзгливо прокомментировал Кириан, оглядываясь в поисках скамеек или диванов, и находя лишь усыпанные подушками ковры на полу, да резной бортик изящного фонтана посреди зала. — Специально все стулья повыносили, что ли?

— Еще не насиделся? — фыркнул Агафон.

— Во народ... как спали вповалку, так бросили всё и уперлись куда-то... — осуждающе покачал головой отряг при виде живописного беспорядка. — Перед гостями бы постыдились...

— А лучше бы остались и попить чего-нибудь предложили. И побольше, — обмахиваясь шляпой и интенсивно потея, пробурчал волшебник. — Я уже седьмую фляжку выдул — и всё равно словно месяц ни капли во рту не было.

— От излишней выпитой жидкости потоотделение в такую жару только увеличивается, — поучительно сообщил Иван, утирая лицо, покрасневшее под южными лучами.

— Где бы ее еще взять — излишнюю... — скроил кислую мину маг.

— В фонтане великому магу на раз попить хватит? — с ехидной заботой предложил бард.

— Ах, в фонтане... В фонтане — хватит.

Чародей задумчивым взором, словно что-то подсчитывая, ⁴ уставился на мраморную чашу фонтана, посредине которой отплясывала танец живота толстая, веселая и не менее мраморная рыба, потом закусил губу, прикрыл сверкнувшие хулиганскими искорками глаза и быстро зашевелил

⁴ Интересно, здесь больше трехсот литров, или меньше?

пальцами, лежащими на посохе.

Сейчас я тебе устрою попить из фонтана, мучитель дудок...

Журчание воды резко прекратилось.

Друзья и стража ахнули.

Агафон насторожился слишком поздно. И поэтому могучий толчок Олафа отбросил его в дальний угол на подушки ошалелого, с закрытыми глазами и приоткрытым в произнесении незаконченного противозаклинания ртом. В то же мгновение сверху на него приземлились очумелые стражники и Сенька с Эссельте.

А на то место, где только что стоял маленький отряд, куда распахнулись вычурные двери — мечта любого дворца, и куда собирался поставить левую ногу визирь правой руки, с грохотом низверглась розовая чаша фонтана вместе с рыбой, ее постаментом и двенадцатью сотнями литров ледяной воды. Ударная волна цунами из воды и осколков мрамора накрыла рассыпавшихся вокруг путешественников, сбила с ног визиря и стремительным наводнением растеклась по мозаичному полу зала, смывая в импровизированные запруды подушки, ковры и оставленные придворными безделушки.

— Я так п-поняла... его калифство... нас ж-ждет?.. — царица высунула голову из-под мокрого подола гвентянки и встретила слегка

расфокусированным взглядом с
изумленно-укоризненным взором осевшего на
порог визиря.

— Ж-ждет, — слабо кивнул тот, и с чувством
выполненного долга обрушился без чувств на
мокрый ковер покоев своего повелителя.

— Ему надо воды! — озабоченно отодвинул
Кириана и вскочил Иванушка.

— Во дворе я видел фонтан... —
приподнимаясь на карачки, любезно сообщил
менестрель. Чем честно заработал полный
кипящего яда взгляд его премудрия.

Его калифство и вправду их ждало.

Приподнявшись на локте на подушках,
вытянув шею и напряженно сузив глаза, будто
кроме прибывших с шумом и помпой гостей вокруг
никого и духу не было, ⁵ Ахмет Гийядин
Амн-аль-Хасс производил впечатление человека то
ли чем-то удивленного, то ли испуганного.

«С чего бы это?..» — рассеянно подумал

⁵ В то время как вокруг него было духу дюжины
танцовщиц, семерых музыкантов, шести опахальщиков, пяти
придворных льстецов правой руки, пяти придворных
подхалимов левой руки, пяти придворных заспанных
подпевал, четырех девушек, ответственных за очистку и
вкладывание в монарший рот охлажденных фруктов, и три
визиря — по одному на каждую руку и один просто великий.

Агафон.

— 3-здравствуйте, — Иванушка первым слегка поклонился.⁶

— Счастлив приветствовать пришельцев из столь дальних стран в нашем скромном жилище, — не гася настороженных огоньков в черных, как угольки, глазах проговорил калиф.

— «Которое после вашего отъезда, без сомнения, станет еще намного скромнее», — Сенька не удержалась и пробормотала себе под нос окончание фразы Ахмета, потерянное, по ее мнению, под пластами гостеприимства и просто хорошего воспитания любезного правителя Сулеймании.

Эссельте хихикнула.

— Мы рады, что наши непритязательные слова вызвали столь веселый смех со стороны девы, чья красота затмевает блеск всех бриллиантов Белого Света, а бездонные глаза способны посрамить и иссушить черной завистью даже полуденные волны Сулейманского моря, — галантно растянул в улыбке губы Ахмет, и взвод льстецов, подобно прибою упомянутого водоема, нестройно загомонил, наперебой восхваляя

⁶ Или просто втянул пристыженно голову в плечи при мысли об оставленном позади разгроме и потопе.

несомненный поэтический дар их повелителя.

— Ахмет из рода Амн-аль-Хассов, как последний маг-хранитель, я тебя с полной ответственностью спрашиваю: когда ты будешь готов к отлету? — не стал церемониться и взял быка за рога раздраженный конфузом Агафон. — У тебя есть три часа на сборы.

— Три часа?!.. Три часа?! Но это невероятно, неслыханно, невообразимо, подобно цветочному горшку с крышкой, о суровый и воинственный чудесник!!! Помилосердуйте, какой может быть отлет через три часа, когда такие знатные путешественники — и великий и могучий чародей среди них — только что ошастливили своим присутствием нашу славную державу! Вы всенепременнейше должны отдохнуть с дороги под сенью фиговых пальм, под вкрадчивое журчание фонтанов, под сладкие звуки музыки и пения наших наилучших искусников и искусниц развлечений!

— Видели мы ваши пальмы, — отмахнулся презрительно Олаф, краснокожий, как абориген Диснейланда. — Точно фиговые: тени от них ни шиша. И мешкать нам некогда, Агафон прав. Время-то идет. Атланик-сити — не ближний свет. И чем скорее мы отсюда улетим — тем лучше. Хел горячий, а не страна...

— Атланик-сити?.. — растерянно захлопал густыми пушистыми ресницами Гийядин. —

Атланик-сити, вы сказали?.. Но что нам, калифу благословенной Сулеймании, делать в этих варварских местах?!

— Тебе ничего делать не надо — всё будет сделано за тебя, — в жесте того, что в его понимании считалось успокоением и примирением, рыжий конунг вскинул огромные, как лопаты, ладони.

Иван исподтишка ткнул локтем в бронированный бок отряга, жестоко обгоревшего под безжалостным сулейманским солнцем, и поэтому не склонного к учтивому маневрированию и придворному политесу,⁷ и снова перехватил нить разговора:

— Я полагаю, господин визирь правой руки доложил вам о цели нашего путешествия?

— Д-да, — уклончиво ответил Ахмет, завозился на своем ковре и грузно присел, поджав под себя ноги. — Он это сделал.

— Тогда вы, без сомнения, понимаете, что дело наше и вправду чрезвычайно срочное, и не терпит отлагательств? — вежливо продолжил

⁷ В смысле, склонного еще меньше, чем всегда. Простой график текущей склонности Олафа изображал бы прямую линию, резко уходящую в полностью отрицательную четверть координатной плоскости всемирной дипломатии.

Иванушка.

— Дело?.. Ваше дело? Какое?.. Ах, вы об этом... деле!.. — Амн-аль-Хасс натянуто улыбнулся и закрутил пухлой кистью руки, словно отмахиваясь от назойливой мухи. — Премудрый Сулейман! Какие могут быть дела, когда вы едва успели ступить на землю нашего города! По закону гостеприимства Сулеймании в первый день прибытия гостей никакие разговоры о делах даже вестись не могут! Гость обязан отдохнуть, совершить омовение от дорожной пыли, вкусить с хозяином плодов его земли, испить молока белых верблюдиц, преклонить голову на мягких подушках лебяжьего пуха, отдавшись освежающему сну, и только на следующий день...

— Хороший обычай, — нетерпеливо кивнул Олаф. — Но мы не можем...

Эссельте, с ужасом увидев, как из-под ее пережаренного на солнце носика уходят и плоды земли, и отдых на самых настоящих постелях, и даже молоко белых верблюдиц, которое вряд ли могло быть хуже молока серых ослиц и черных буйволиц, которое предлагали им сплошь да рядом по пути сюда сулейманские трактирщики, срочно ухватила юного конунга за рукав и торопливо зашептала:

— Олаф, ты ничего не понимаешь в международном придворном этикете!

— Это точно! — раздулся от гордости отряг.

— А Сулеймания — дело тонкое! — округляя многозначительно глаза и поджимая губки, убежденно заговорила принцесса. — Калиф Ахмет Гийядин может обидеться на наше пренебрежение местными обычаями! А нам с ним еще Гаурдака загонять обратно! Зачем расстраивать будущего боевого товарища из-за такого пустяка, как день-другой пребывания у него в гостях?

— Боевого? — скривился в невольной усмешке отряг. — Да я ему ничего острее перца сроду бы не доверил!

— Кроме умения владеть оружием, у человека может быть много других достоинств! — гордо выпятила грудь гвентянка.

— Д-да, — конунг сдался с первого взгляда без боя.

— Но время... — начал было возражать Иван.

— Один день — это ведь такая мелочь, Айвен, миленький! У нас же есть время!.. У нас ведь есть время? — оставив попытку уговорить лукоморца, она снова требовательно воззрилась на Олафа и Агафона.

— Н-ну... есть... — признал отряг.

— Крайне немного, — сурово подчеркнул маг.

— То есть достаточно, чтобы на день-другой спрятаться под крышей за шторами, нырнуть в

фонтан и забыть, что такое солнце? — неожиданно пришла на помощь гвентянке Серафима. — Неужели никто из вас не клялся себе, что по возвращении домой год не будет выходить из тени, а питаться станет исключительно мороженым?

— Не клялся, — не задумываясь, покачал головой северянин.

И тут же признался:

— В голову не приходило...

— Но идея хорошая... — не так уж нехотя, как хотел изобразить, проговорил волшебник, и осторожно прикоснулся кончиками пальцев к покрасневшим и пылающим щекам и носу.

— Один день под вашей гостеприимной крышей, о благородный калиф Сулеймании, стоит десятка под вашим открытым небом, — склонился в галантном поклоне и комплименте Кириан.

— Сказано настоящим поэтом, — учтиво склонил набок голову в тяжелой чалме Ахмет.

— Оценено настоящим поэтом, — куртуазно вернул похвалу бард.

— Значит, мы остаемся? — радостно сверкнули глаза принцессы.

Остальные члены антигаурдаковской коалиции переглянулись и кивнули.

— Уговорила. Остаемся.

Гостеприимство калифа оправдало, и даже с огромным запасом превзошло все самые нахальные

ожидания перегретых и пересушенных путников: омовения, роскошные чистые одежды, пышный пир за полночь — с музыкой, пением, танцами и с взводом персональных опахальщиц.⁸

А впечатлительную принцессу и бывалую царевну — одинаково, на этот раз — больше всего поразили ванны с разноцветной благоуханной водой — произведение старшего коллеги Агафона, молодого придворного мага, закончившего год назад с отличием ВыШиМыШи.⁹ Вне зависимости от того, какие телодвижения совершались купальщиком, в районе его головы вода и пена всегда были янтарные с изысканным ароматом ананаса и дыни, у груди — розовая — вишня, малина и земляника, а в ногах — желтовато-зеленая — яблоко и банан.

⁸ Что самое главное, как единодушно признали мужчины.

⁹ А значит, автоматически вызвали настолько активное неприятие его премудрия, что тот едва не отказался от умывания вовсе, заявив выпендренно, что подобное применение магического искусства недостойно настоящего волшебника, позорит доброе имя и умственные способности того, если они у него вообще когда-нибудь были, и что использовать магию для порчи хорошей чистой воды в угоду пошлым вкусам профанов и обывателей все равно, что забивать гвозди шкафом.

С наступлением глубокой темноты группа нейтрализации Гаурдака, больше уставшая от развлечений, назойливого внимания армии придворных и прислуги и бесплодных попыток завязать разговор про предстоящее путешествие, чем от пути по сулейманскому небу, была препровождена в покои в Малом Круглом гостевом дворце в самом центре старого сада, да там и оставлена.¹⁰

Эссельте, как одинокая девица, получила отдельные апартаменты в первой трети разделенного на секторы дворца. Иван и Серафима — семейная пара — рядом. Оставшиеся апартаменты были отданы в безраздельное пользование холостякам.

Погасив прикроватные лампы, лукоморцы с блаженным удовольствием вытянулись на воздушной — без преувеличений — перине,¹¹ натянули покрывало и, не успев обменяться и парой слов, незаметно погрузились в сон.

Глубокий, но недолгий.

— Кттамходит?.. — рука Сеньки только

¹⁰ В покое.

¹¹ Еще одном творении сулейманского отличника шантоньского ВУЗа.

метнулась к мечу, а заволоченные дремой глаза уже шарили по комнате в поисках цели.

— Это я...

— Ты? — меч вернулся в ножны, а рука с кольцом-кошкой вместо этого потянулась к огниву и лампе.

— Угу... — жалко кивнула Эссельте. — Я...

— Что случилось? — приподнялся на локтях Иванушка.

— Ничего... — расстроено и сконфуженно проговорила принцесса. — Извините, я вас разбудила, да?..

— Извиняем, разбудила, да, — вздохнула в ответ Серафима. — Так что, говоришь, там у тебя случилось?

— Да ничего не случилось! — словно защищаясь, вскинула голубые глаза на царевну Эссельте. — Просто... я заснуть не могу.

— Нам бы твои проблемы... — зевнула во весь рот Сенька и потеряла ладонью порозовевшие ото сна щеки. — Может, тебе книжку дать какую-нибудь почитать? Вань, поройся в своем багаже...

— Да нет, вы меня неправильно поняли! — поспешно воскликнула гвентянка. — Спать я хочу, очень, но... мне страшно.

— Страшно? — снова подскочил Иван, готовый по одному слову жалобы бежать и

сражаться.

— Да нет, даже не страшно... я неверно выразилась... — принцесса неуверенно пожалала плечиками, обтянутыми голубым шелковым халатом. — Но как-то... не по себе. Мне постоянно кажется, будто по крыше надо мной кто-то ходит...

— По крыше? — тупо переспросила Сенька. — Но у нас ведь крыша куполом, я специально обратила внимание, когда сюда шли. Кто по ней может ходить? Летучие мыши? Совы?

— Не знаю... — на этот раз голос Эссельте прозвучал тихо и виновато. — Наверное, никто... это глупо, я понимаю... я сама эту крышу видела... Она круглая, как мячик... Но... Извините, я пойду...

— Ну уж нет, — решительно вздохнув, встала с постели Сенька. — Вань, ты как одну ночь без меня поспать? Не забоишься?

— А ты куда? — не понял спросонья лукоморец.

— А я к Эссельте перебираюсь — вдвоем бояться веселее! — подмигнула ему царевна, подхватила с полу меч и коллекцию метательных ножей, сунула ноги в курносые парчовые тапки и направилась к опешившей гвентянке. — Пошли, Сеся. Если у тебя там такая же кровать, как у нас, то мы на ней все шестером поместились бы, а уж вдвоем-то как-нибудь до утра перекантуемся.

— Спасибо, Сима! — озарилось счастливой улыбкой лицо принцессы. — Я тебе очень благодарна! А то спать хочется — даже голова не соображает, а одной... жутковато...

— Ничего, бывает вдали от дома, — утешающее похлопала ее по руке царевна. — Это нервное. Ну вот сама подумай: чего нам тут, посреди калифского дворца, при такой толпе охраны и маге с красным дипломом, бояться?

— Нечего? — нерешительно предположила Эссельте.

— Правильно! — довольная понятливостью принцессы, воскликнула Серафима. — Поэтому пойдем досыпать и ни о чем не думать. А ты, Вань, дверь за нами закрой и сундуком подопри. И меч рядом с рукой положи. А лучше на себя ремень нацепи. И народ предупреди.

— О чем?

— Не знаю. Чтобы просто начеку были.

— Это еще зачем? — вытаращил глаза царевич.

— На всякий случай, — резко отбросила смешки и шуточки и очень серьезно проговорила Сенька. — Потому что самые большие пакости случаются именно тогда, когда их не ждешь.

Большая пакость подкралась, как это водится, незаметно.

Сначала пол под постелями трех холостяков,

упившихся на пиру коварно-сладким тарабарским вином подобно трем пороссятам, еле слышно завибрировал.

Иванушка, после отбытия супруги добросовестно пошедший предупредить друзей непонятно о чем, да так с ними и оставшийся, в полусне приподнял голову и чуть приоткрыл глаза.

Что это? Где-то невдалеке скачет конница? Идет тяжелогруженный караван? Ремонтные работы? Или приснилось?..

Он замер, затаив дыхание, положил руку на рукоять меча и чутко прислушался.

Всё было спокойно.

Шелестел за окнами листвой залитый луной сад, томно высвистывала шлягер этого лета романтично настроенная птичка, наперебой, но монотонно скворчали цикады...

Пол...

Пол был на месте, и вел свою тихую половую жизнь, исполнительно оставаясь на месте, выбранном для него однажды архитектором — внизу, под коврами, ровный, мраморный, надежный и неподвижный.

Почудилось?

Скорее всего...

Умеет всё-таки Сеня напугать, тень на плетень навести... Иди туда, не знаю куда, бойся того, не знаю чего... Хорошо еще, что хоть ребят не

разбудил — а то объясняй им как дурак, что, да почему, да по какому случаю... Что мы — правителя Сулеймании первый день знаем? Чего его бояться?.. Станный он какой-то, конечно, но так кто из нас не странный? «Норма — это аномалия, поразившая большинство», сказал однажды Бруно Багинотский... если ничего не путаю... Кстати, хорошо, что калиф Ахмет нас не узнал. А то неловко бы было... как-то... перед ним... мне, по крайней мере... за прошлое лето. Ну да ладно... прошло и прошло...

Иван вздохнул сонно, перевернулся на другой бок, подсунув под голову пару ускользнувших было от исполнения обязанностей пухлых подушечек, в изобилии водившихся на устланном коврами полу, недовольно поправил ткнувшийся под ребра рукоятью меч и снова заснул — быстро и без сновидений.

И так и не услышал, как через несколько минут на него одновременно с новым подземным толчком упала часть потолка.

— ...что это, что это, что это, что?!..

— Хель и преисподняя!!!..

— Землетрясение!!!..

— Агафон?.. Агафон, ты где?!..

— Масдай, где Масдай?!..

— Ай!!!..

— Здесь, под колонной!!!..

— Берегись!!!..

Очередной кусок потолка, повисший было на арматуре, под новый толчок с грохотом и треском обрушился вниз, дробя деревянные помосты и обдавая Олафа и Кириана, мечущихся под градом осыпающихся камней и лепнины в поисках друга и ковра.

— Масдай, я ид... Гайново седалище!!! — растянулся бард на полу, усыпанном фрагментами сулейманской архитектуры, разными по размеру, но одинаковыми по наносимым телесным повреждениям, и вдруг ощутил под щекой что-то мягкое и теплое.

— Агафон? — испуганно и быстро зашарил он руками по находке. — Живой?..

— Живой?..

— Не знаю! Сюда, скорее!!!..

Отряг поднатужился, яростно крикнув, выдернул из-под резной капители Масдая и с проклятьем повалился на спину: земля снова вздыбилась у него под ногами, словно загорбок раненого кита, и часть стены, отделявшей их апартаменты от сада, хрустнула, надломилась посередине, будто плитка шоколада, и с оглушительным грохотом обрушилась внутрь, поднимая плотные клубы пыли.

— Олаф, помоги!!!.. — откуда-то из непроглядной мглы пронзительный вопль

менестреля взвился стрелой к ночному сулейманскому небу. — Помоги мне!!!..

— Х-хел горячий... — скрипя зубами от боли в спине, пересчитавшей все осколки и обломки, взревел конунг, вскочил и, прикрываясь рукой и Масдаем от камнепада с умирающего потолка, бросился на голос.

— Ты где? Ты где? Ты где?..

— Мне плечо зашибло... — неожиданно простонал Кириан прямо у него под ногами, и отряг едва не свалился, изгибаясь и балансируя, чтобы не наступить на товарища. — Тут...

Олаф бросил Масдая на усеянный битым камнем пол и стал раскидывать груды битого камня и штукатурки с неподвижного тела.

— Давай, малый, давай, кабуча, держись...

Лунный свет сквозь остатки изуродованной крыши упал на лицо раненого, и Олаф ахнул.

— Иван?!.. Откуда...

Рядом шевельнулся Кириан:

— Сиххё его знает, откуда он тут! Молчит!

— А где Серафима? Эссельте?

Ответа не было.

Очередная судорога земли бросила его на обсыпанного камнями Масдая, отшвырнула поэта кубарем в сторону, и низвергла рядом с ним с ужасающим грохотом стену, разделявшую покои.

— Олаф, здесь еще!.. — донесся справа, почти

сливаясь с рокотом следующего подземного толчка, звенящий на грани истерики голос гвентянина, но грохот оставшегося без опоры потолка, беспорядочной лавиной камня устремившегося к земле, напрочь заглушил последние слова.

— Масдай, ищи его!!! — проревел северянин, и ковер, словно очнувшись от шока, взвился вверх и стрелой метнулся туда, где несколько мгновений назад оборвался отчаянный крик.

— Здесь!!! — остановился он так резко, что конунг свалился на бок и едва не перелетел через край вверх тормашками.

Ухватить и бросить на ковер поочередно скулящего от ужаса Кириана и обнаруженного им человека было для мощного воина делом пары секунд.

— Масдай, к Серафиме и Эссельте!!! — давясь и задыхаясь от вездесущей каменной пыли, пропитавшей, казалось, самый воздух, выкрикнул отряг...

Но было поздно. Новый толчок, пришедший, казалось, из самых недр земли, потряс смертельно раненый дворец, и остатки стен его и потолка, доселе мужественно сражавшихся против неистовой стихии, не выдержали.

Стремительно расширяющиеся молнии-трещины змеями пробежали по стенам, вгрызлись и раскололи располовиненный потолок и

надтреснутый купол, и печальные останки прекрасного и гордого некогда дворца с потрясающим подлунные устои грохотом рухнули наземь в туче пыли и обломков.

— Серафима!!!.. Эссельте!!!.. Люди!!!.. — бессильно сжимая кулаки, Олаф взвыл раненым зверем на серебристое око луны, равнодушно вззирающее на апокалипсис, и осекся.

В саду, у фонтана, метрах в двадцати от безмолвных и неподвижных теперь руин, безжалостно похоронивших под собой двух спящих девушек, в свете надменной холодной луны он увидел знакомую фигуру.

— Калиф?..

Масдай, не дожидаясь команды, рванул к нему.

— Калиф, Ахмет! — конунг, потрясенный и оглушенный внезапностью ночного ужаса, умоляюще выкрикнул и махнул за спину рукой. — Скорее, срочно! Поднимай людей! Там оста...

Добродушно-мечтательное лицо правителя Сулеймании исказила лукавая усмешка. Не говоря ни слова, он поднял руку, погрозил игриво ошарашенному отрягу пухлым, усаженным перстнями пальцем и шутливо дунул в его сторону.

Подобно безмолвному взрыву вырвался шквал из покойного ночного воздуха, напоенного головокругительным ароматом цветов, и стальным

кулаком ударил Масдая в брюхо. Застигнутые врасплох конунг и менестрель повалились на шершавую спину Масдая, покатались к краю, хватаясь рефлекторно друг за друга и за раненых, и только головоломный маневр ковра спас всех четверых от скорой встречи с сулейманской землей.

Ахмет тихо засмеялся, и через секунду новый порыв штормового ветра подбросил еле успевшего выровняться Масдая и его пассажиров словно на батуте, и еще раз, и еще...

— Хелово отродье, варгов выкидыш!!!..

Олаф вцепился одной рукой в передний край ковра, другой — в плечо бесчувственного Ивана. В иванову ногу сведенными в судороге пальцами впился Кириан что было небогатых поэтических сил, зажимая отчаянно в кольцо другой руки талию обмякшего и неподвижного Агафона. Ноги самого барда при этом панически дрыгались в воздухе в бесплодных поисках точки опоры.

Новый ураганный порыв отшвырнул Масдая, словно сухой листок, к испуганно притихшему саду, и только спружинившие верхушки персиковых деревьев спасли всех пятерых от крушения.

— Я так долго не выдержу!!!.. — отчаянно проорал бард и прикусил язык, с ужасом почувствовав, как медленно, словно признав вырвавшиеся слова за официальную капитуляцию,

разжимаются пальцы, удерживающие иванову лодыжку, и как неспешно, миллиметр за миллиметром, сам он начинает сползать вниз.

Хищный ветер тем временем снова набух над головой калифа в переливающийся ночью черный бутон и накинулся на растерянно зависший над садом ковер.

— Ай-й-й-й-й-й!.. — вскрикнул менестрель, с ужасом ощущая, что из всей ивановой ноги в его пальцах осталась только штанина.

— Держись!.. — не столько сердито, сколько испуганно рявкнул отряг.

— Не могу!.. — истерично пискнул гвентянин.

Штанина треснула.

— Держись, слабак!!!..

— А-а-а-а-а!!!..

— Если ты свалишься, я тебя...

Масдай едва увернулся от свежего сгустка разъяренного воздуха, просвистевшего на расстоянии вытянутой кириановой ноги, и рванулся прочь.

— Вернись!!! Там Эссельте и Серафима!!! — позабыв про висящего между небом и землей барда, яростно выкрикнул Олаф, и только остатки здравого смысла не позволили ему разжать пальцы, чтобы стукнуть по коврику кулаком.

— Если я вернусь, там останемся еще и

мы! — возмущенно прошипел Масдай. Неожиданный вираж, едва не стряхнувший Кириана с грузом на алебарду застывшего внизу стражника, спас их от нового порыва убийственного ветра — но лишь едва.

— Масдай, вернись! Вернись!!!.. — угрожающе проревел конунг, но воздействие его вопль возымел прямо противоположное.

— А идите вы все к ифритовой бабушке!!!..

И ковер изо всей мочи, преследуемый по пятам голодными, неистово завывающими ветрами, устремился прочь — не куда, но откуда, подальше от этого проклятого места, от этого распавшегося на свирепые куски шторма и весело хохочущего за их спинами жуткого человека. Последний порыв ветра, перед тем как стихнуть — уже над городом — донес его прощальные слова:

— ...если вы осмелитесь еще раз показаться у меня во дворце, ваши головы присоединятся у главных ворот к немытой башке этого болвана, возомнившего, что может мне указывать!..

— Это б-было... «п-прощайте»?.. — дрожащими губами выговорил гвентянин.

— Это было «до скорого свидания», — яростно скрипнув зубами, прорычал Олаф, иступленно стискивая огромные, покрытые ссадинами и синяками кулаки. — Клянусь Рагнароком, Мьёлниром и Аос, что сдохну, но не

уйду из этой страны, пока не отомщу за смерть Серафимы и Эссельте! На куски изрублю, руками разорву, зубами загрызу — дай только приблизиться к нему!!! И плевать мне, что он колдун! Хоть сто колдунов! Хоть тысяча! Хоть сам Гаурдак!!!.. Землетрясение было его рук делом, веслу теперь понятно! Эх, как мы его раньше не раскусили!.. Растяпы доверчивые... Олухи... Болваны лопаухие! Песни-пляски-аплесины... Гости-дружба-пирог... Мерзкий, приторный, двуличный, лживый слизняк с душонкой черной, как ногти Хель!..

— А, может, они живы? — скорее для полемики, чем из хоть какой-нибудь надежды спросил менестрель, прервав пылкий, но несвязный поток сознания безутешного отряга.

— Живы? — прекратив поиск подходящих для такого случая и такого человека проклятий, тот понурил рыжую голову и подавленно усмехнулся. — Живы... В этом Хеле горячем их спасти разве чудо могло... Ты веришь в чудеса, Кириан?

Менестрель прикусил вертящийся на языке ехидный ответ, задумался и медленно, будто нехотя, кивнул.

— Д-да. Верю. В добрые чудеса, Олаф. И иногда они даже происходят с теми, кто нам действительно дорог. Только редко...

— Тогда им самая пора произойти сейчас, — мрачно подытожил конунг и торопливо перенес внимание на двух всё еще не подающих признаки жизни друзей.

— Ну так что, люди-человеки? — ворчливо и устало вклинился Масдай в незаметно сходящий на нет разговор. — Куда теперь прикажете?

— А ты нуждаешься в наших приказаниях? — угрюмо хмыкнул конунг.

— Нет, конечно, — язвительно ответил пыльный шершавый голос, — но я получил хорошее воспитание, и оно мне диктует перед тем, как лететь, куда я хочу, сначала поинтересоваться, куда вам надо. Может, нам по пути.

— И куда тебе сейчас по пути? — уныло спросил гвентянин.

— Знаю я тут одно тихое славное местечко...

И ковер, не вдаваясь в подробности — не в последнюю очередь потому, что понимал, что пока его пассажирам не до них и даже не до него, направился туда, куда обещал.

Олаф же опустился на колени и склонился над неподвижными товарищами, при свете кособокой апатичной луны то ощупывая одного, то осматривая другого, то растерянно кусая губы, кряхтя и пожимая плечами, потому что курс молодого бойца Отрягии никакой скорой помощи на поле боя, кроме умения быстро отрубить

конечность, укушенную ядовитым морским
выползнем, не включал отродясь.

А в это время над крышами, переулками,
площадями и двориками безмятежно спящего
Шатт-аль-Шейха вместе со стремительным,
одобрительно похмыкивающим в такт Масдаем
неслась гневная Кирианова декламация:

Еще не видел Белый Свет
Такого наглого бесчинства!
Наказан должен быть Ахмет,
Поправший долг гостеприимства!
Ничтожный, жалкий лицемер!
Сын вероломства и обмана!
Вот комплекс неотложных мер
По наказанию тирана:
Казнить, повесить, сжечь мерзавца!
Четвертовать! Колесовать!
А если будет огрызаться,
По вые толстой надавать!
Отрезать уши! Дать сто палок
По мягким и другим местам!
Навечно занести в каталог
Негодных для туризма стран!
Сослать в Чупецк, лишить наложниц,
В законных жен их превратить!
И с помощью садовых ножниц,
Мужского естества лишить!

Я на твоей спляшу могиле,
Твоих костей услышу хруст,
Вдохну всей грудью запах гнили,
Пущу твой прах по ветру пылью,
Клянусь, не будь я Златоуст!..¹²

* * *

Когда по полу гостевого дворца пошла первая дрожь, девушки еще не спали.

Навалившись на взбитые подушки, они лежали, укрывшись одним покрывалом, и разговаривали.

Говорили недавние соперницы, а теперь боевые подруги, про многое: про любимых мужчин, про родителей и друзей, про детство и юность, про свои страны, далекие, невообразимые и экзотические в глазах друг друга, про путешествия, приключения, про придворный этикет и его нелепые ограничения, про стихи, поэтов, и про то, как славно было бы, если бы принцессам дозволялось открыто изучать медицину...

Как и Иванушка, Сенька и Эссельте поначалу

¹² Здесь и далее Кириана Златоуста «озвучивал» стихами Дмитрий Касич.

подумали, что колебание земли им почудилось, или кто-то где-то невдалеке разгружал с возов или верблюдов каравана что-то очень тяжелое. И, как и Иванушку, второй толчок — неожиданно мощный и резкий — застал их врасплох.

С хрупнувшего опорами потолка посыпались на их головы и на кровать, подпрыгнувшую нервной лошадей, куски штукатурки и лепнины, и обе особы царской крови после секундного замешательства бросились к двери — спасаться самим и спасти других.

Дверь была заперта снаружи.

Несколько раз сыплющая отборными проклятиями царевна наскакивала с разбегу плечом на оказавшуюся неожиданно такой несговорчивой дверь, но без толку. Четвертый ее разгон был прерван в самом начале мыслью вернуться к их ложу, захватить прикроватный столик и использовать его в роли тарана. Но пока Серафима примеривалась, куда бы эффективнее приложить вектор силы инкрустированной столешницы, поминая своим более чем активным вокабуляром все природные катаклизмы на Белом Свете, новый толчок потряс комнату... И поперек дверного проема, туда, где царевна в обнимку с шедевром сулейманского краснодеревщика предстала бы через пару мгновений, с грохотом обрушились две колонны и большая часть потолка. Так оказалась

спасенной сенькина жизнь, но намертво заблокирована единственная дверь.

Что, по здравому рассуждению, делало теперешнее спасение сенькиной жизни явлением крайне временным и еще более крайне бессмысленным.

Из состояния огорошенного ступора Серафиму вывела трясущаяся от ужаса Эссельте: оба окна забраны частыми коваными решетками, ни снять, ни выдернуть которые она не смогла, да еще это землетрясение, да камни на голову и плечи, да руки трясутся не хуже любой земли...

— Не волнуйся. Сейчас потолок и стены обвалятся окончательно, — с истеричной жизнерадостностью предположила в ответ царевна, — и мы сможем спокойно через них перелезть и выбраться наружу.

Удариться в такой же истеричный смех сквозь рыдания принцессе не позволил лишь новый толчок, расколовший пол у нее под ногами, и вместо нервного хихиканья у ней успел вырваться лишь короткий взвизг.

Тонкие пальцы ее чудом вцепились в рваный край повисшего над расселиной ковра и крик резко оборвался, перейдя в неровные всхлипы и умоляющие междометия. Спасая подругу перед лицом неизвестной опасности, чтобы вернуть ее в опасность известную, Сенька отшвырнула стол,

бросилась на живот, схватила Эссельте за руку, дернула что было сил... И сама загремела вниз головой в разверзшийся проем, столкнутая очередной конвульсией взбеленившейся земли.

В следующий момент поглотившая их трещина была закрыта сверху куполом, с оглушительным грохотом обрушившимся на пол, усеянный осколками и обломками былой роскоши. А летящие куда-то под откос чего-то девушки прокатились кубарем еще несколько десятков метров, пересчитывая по пути руками, ногами, ребрами и головами все ступеньки, зазевавшихся крыс и провалившиеся сверху куски покойных покоев и остановились в полной темноте и тотальной дезориентации, только налетев на резко изменившую направление стену.

К этому времени толчки прекратились так же внезапно, как и начались, земля утихомирилась, и можно было с чувством, с толком и с расстановкой сесть, разобрать, где чьи конечности, синяки и шишки, и начать по-настоящему беспокоиться о своих спутниках и о себе.

— Как ты думаешь, они успели спастись? — с замиранием сердца и дрожью в голосе тихо спросила царевну Эссельте.

— Д-должны... — угрюмо выдавила та, хотела сказать еще что-то, но на этом голос сорвался, и она до крови прикусила губу.

«Ваня, Ваня, Ваня, Ваня, Ваня ...» — дернулась и запульсировала болью рана, и ледяная пелена, откуда ни возмись, предательски развернулась из области желудка, липким саваном опутала все внутренности, сковала могильным холодом руки и ноги и хмельным поминальным вином бросилась в голову.

— Ваня, Ваня, Ваня, Ваня, Ваня... — как в бреду, в такт боли — не в прокушенной губе, в душе — зашептала Сенька, давя зарождающиеся в горле спазмы рыданий и стискивая кулаки так, что ногти впивались в покрытые грязью и мраморной пылью ладони. — Ваня...

— Симочка, милая... ты только не расстраивайся... — прикоснулись бережно к ее боку исцарапанные теплые руки принцессы, наощупь нашли плечи, и обняли подругу, прижимая к груди. — Я, конечно, всё понимаю! Если бы там был мой Друстан, я бы уже с ума сошла, наверное!.. Но... ты только не плачь, миленькая... только не плачь! Они обязательно все выбрались!.. Обязательно-преобязательно!.. Я в этом ну на сто процентов вот уверена! У них же был Масдай, ты подумай, Сима! Масдай — это ведь такая лапушка! Такая умничка! Такое чудо! И когда вся эта свистопляска началась, они просто все сели на него, и улетели!.. Ну конечно! Как я раньше не догадалась!.. Погрузили Олафа и Кириана, и

р-р-раз!.. — взмыли в чистое небо!.. И пусть там хоть всё перевернется вверх ногами в этом Шатт-аль-Шейхе!..

— Был... да... — подавленно и послушно кивнула царица, не понимая в действительности и половины из того, что говорила ей подруга. — Они обязательно... все выбрались... да...

— ...и теперь наверняка ищут нас... — додумала вслух свою мысль до конца и неожиданно понурилась гвентянка, словно огонек под ветром. — Думают, наверное, что мы... что нас... что это не они, а мы... Представляешь? Мы тут думаем про них, что они... а они — то же самое — про нас. И Айвен твой тоже... вот точно так же... представляешь? Как странно... как обидно... как нелепо... Правда, Сим?

— К-кабуча... — сквозь зубы выругалась Сенька, встрепенулась, подобно боксеру, подходящему в себя после нокдауна, и расправила плечи, снова готовая к труду и обороне, а больше всего, к нападению и снятию скальпов. — Кабуча габата апача дрендец!!!

— О чем это ты? — неуверенно заглянула ей в лицо Эссельте.¹³

¹³ А вернее, в ту сторону, где, судя по звукам голоса, лицо лукоморской царицы находилось — полную и абсолютную тьму потайного коридора дворца не нарушал ни единый лучик

— О том уроде, который закрыл нашу дверь снаружи, вот о чем! — гневно прорычала Серафима и яростно зыркнула по сторонам, словно пресловутый урод только и поджидал за углом, чтобы быть застуканным на месте преступления и подвергнутым заслуженному ostrакизму слева в челюсть десять раз.

— Но кто это был?

— Узнаю — убью, — от всей души пообещала Сенька, с чувством выполненного долга поднялась на ноги, проверила так предусмотрительно и надежно закрепленные на предплечьях метательные ножи — единственное оставшееся у нее оружие, покрутила на пальце, стирая пыль и грязь, кольцо-кошку, позволяющее видеть ей в любой темноте, взяла за руки принцессу и осторожно поставила на ноги. — Пошли, Селя.

— Куда?

— Придем — узнаем, — резонно проговорила царевна и положила руку принцессы себе на плечо. — Держись за меня. Не пропадешь.

Первые метров тридцать-сорок царевна шла осторожно, внимательно глядя то под ноги, то на стены, то на потолок, через каждый шаг останавливаясь и ощупывая казавшиеся ей

подозрительными фрагменты кладки или исследуя пальцами щели в холодном каменном полу.

— Ты что-то ищешь? — не выдержала бесконечных таинственных остановок и полюбопытствовала Эссельте. — Что? Может, я могу помочь?

— Это вряд ли... — хмуро и недоуменно, скорее, для себя, чем отвечая на вопрос подруги, протянула Сенька. — Я ищу следы землетрясения.

— Ну это-то как раз просто! — с облегчением, что загадочное поведение Серафимы объяснились так банально, довольно проговорила принцесса. — Я полагаю, после землетрясения в подземных ходах должны остаться завалы, расселины... ну еще там завалы... всякие...

— Угу, должны, — согласно кивнула царевна и перевела невидимый в темноте взгляд на спутницу. — Только почему-то не остались.

— Да?..

— Да. Судя по тому, как нас трясло, в руинах должна лежать половина города, если не половина страны. Так?

— Н-ну так... — неуверенно согласилась Эссельте, с землетрясениями до сих пор встречавшаяся только в книжках.

— Ну так вот, — сурово подытожила Сенька. — Камня с камня не сдвинулось в этом ходу даже там, где мы на стену налетели. А здесь и

подавно. Не то, что камни — пыль не пошевелилась!

— Д-да?.. — только и смогла выговорить на это гвентянка.

— Да, — отозвалась хмурым эхом царевна.

— И... что это значит? Что землетрясение было не таким сильным, как мы думали? Или... поверхностным?.. если такие бывают?.. Ну когда покрывало встряхивают, кровать ведь не трясется?.. — с сомнением проговорила, поясняя примером свежепридуманную теорию принцесса.

— Боюсь, что это значит только то, что кроме как под нашим дворцом, его больше вообще нигде не было, — кисло хмыкнула Серафима.

— Что?.. — изумленно захлопала глазами Эссельте. — Как это? Разве так бывает?

— Наверное, нет... — по здравому размышлению признала ее подруга, но тут же нашла лазейку в собственном решении: — Если только оно не было вызвано магией.

— Агафон?!..

Сенька подавилась собственным смехом.

— С него, конечно, станется, но он же спал...

— Во сне? Может, ему приснилось что-то? У него ведь посох?..

— Спаси-упаси... — почти серьезно передернула плечами царевна. — Он и без посоха-то был со своей магией не подарок, а если

теперь еще и... Нет. Давай оставим это на самый худой конец и будем думать дальше.

— У калифа есть еще один волшебник, — быстро вспомнила Эссельте.

— Есть, — согласилась Сенька. — Но зачем ему было нужно...

Голос ее сошел на нет, а стиснутый кулак яростно врезался в ладонь другой руки.

— Ахмет! Это он приказал! И этот драный чернокнижник...

— Но зачем? — растерянно прервала страстную речь подруги принцесса. — Зачем *ему-то* это?..

— Мстил? Боялся чего-то? Боялся нас? Не хотел лететь? Продался ренегатам? Гаурдаку?.. — посыпала вариантами как сеятель зернами, царевна.

Эссельте вдруг подумала о том, что, может, именно сейчас жуткий безжалостный Ахмет, или не менее жуткий и безжалостный его маг обнаруживает, что под руинами нет их тел, и решает начать поиски, и зябко поёжилась.

— Сима... пойдём отсюда... пожалуйста? Давай скорее найдем дорогу наверх? Мне что-то страшно стало... А тебе разве не страшно?

— Мне не страшно, — решительно ответила Сенька. — Мне злостно. И — насчет «пойдем и найдем» — пойдём и найдем. Потому что чем скорее я наложу на них обоих руки, тем лучше.

— Для кого? — робко уточнила гвентянка.

— Для них же, — много, но ничего из него хорошего не обещающе, произнесла Серафима, снова положила руку принцессы себе на плечо и, поигрывая ножом и едва сдерживаясь, чтобы не ускорить шаг до бега, двинулась по подземному коридору вперед.

Сначала петляющий как пьяная змея тоннель представлял собой единый безликий скучный путь, не имеющий не только боковых ходов, но и ловушек, западней и провалов, проектируемых обычно заботливыми архитекторами, чтобы хоть как-то разнообразить неизвестному путнику томительно тянущиеся под землей минуты.

Но где-то через полчаса однообразного перемещения то вправо, то влево, то вверх, то вниз Серафима без предупреждения остановилась, и застигнутая врасплох Эссельте, налетев на нее, едва не сбила с ног.

— Что там? — нервным шепотом спросила принцесса у затылка Сеньки, уткнувшегося в ее нос.

— Развилка, — так же тихо отозвалась Серафима.

— И куда нам идти?

— Давай направо.

— А почему направо?

— А почему нет?

Гвентянка задумалась над вопросом, и честно призналась:

— Не знаю... Давай направо. А что там видно?

— Пока ничего... Пол ровный, коридор прямой... пока... В конце концов, не понравится направо — вернемся налево, да и дело с концом.

На том и порешили.

И через полсотни метров уткнулись в тупик.

— И это всё?.. — разочарованно протянула принцесса, когда Сенька ей сообщила о первой неудаче.

— Н-не знаю... — неуверенно промычала царевна. — С виду всё. Но если подойти к вопросу с точки зрения здравого смысла... Зачем тратить столько сил и камня, рыть под землей такой длинный сравнительно ход, только для того, чтобы на пять минут увести с главной аллеи какого-нибудь заблудшего раззяву вроде нас?

— А может, это ловушка? — Эссельте вздрогнула и попыталась прижаться спиной к стене.

— А может, это потайной ход? — задумчиво пробормотала Серафима. — И надо только нажать правильно какие-нибудь два камня... или три... и пнуть в нужное место нужным коленом... или пяткой...

— Ай!..

— Что?!.. — вихрем повернулась на вскрик

Сенька, нож наготове, и тут за ее спиной раздался тягучий низкий скрежет, от которого засвербели и зачесались зубы, и та часть стены, которая секунду назад старательно изображала тупик, так же старательно теперь повернулась вокруг своей оси, встала перпендикулярно и застыла.

В затхлый пыльный и холодный воздух коридора тут же ворвались приглушенные ароматы кухни, прогоркшего масла, копченостей, старой гари и специй.

— Я... я л-локтем уперлась в-во ч-что-то... — выбивая зубами «Камаринскую», сбивчиво и взволнованно заговорила принцесса, — и оно п-поддалось... и я п-подумала... что п-проваливаюсь... а т-тут еще... з-звуки эти...

— Тс-с-с-с... — бережно зажала ей рот царевна твердой чумазой ладонью и уткнулась губами в самое ухо. — Кажется, мы наткнулись на продуктовый склад... в подвале...

— Отсюда можно выбраться наружу? — поняла намек гвентянка, убрала руку подруги и продолжила еле слышным шепотом.

— За пределы дворца — вряд ли.

Девушки замерли, напряженно прислушиваясь, не привлекли ли ржавые фанфары, возвестившие о их новом появлении в подлунном мире, чьего-нибудь нежелательного внимания. Но всё было тихо.

— Я... не хочу выходить здесь... — спустя минуту проговорила принцесса. — Может... пойдём лучше поищем дальше?

— Пойдем, — согласилась Серафима. — Только надо теперь эти ворота закрыть. А то набегут тут всякие... вопросы будут дурацкие задавать... На что, ты говоришь, нажимала?

— Н-не знаю... — пожала плечами гвентянка, встала и снова прислонилась спиной к стене, как стояла пару минут назад. — Я вот сюда навалилась... И вроде вот этим локтем... вот сюда... куда-то... ткнула... вот так... Или так?

— Угу, вижу... — сосредоточенно заглядывая подмышку Эссельте, пробормотала царевна. — Камень утоплен. А как его теперь обратно вытащить, чтобы закрылось всё?

— Может, чтобы закрылось, надо надавить на что-нибудь другое? — резонно предположила подруга.

Сказано — сделано.

Через пятнадцать минут, когда в пределах досягаемости двух особ королевской крови не оставалось не нажатым ни одного камня, выступа и трещины, они сдались.

Сенька опустилась на пол перед вызывающе распахнутой стеной и вытерла рваным грязным рукавом пот со лба. Принцесса в изнеможении присела рядом и оптимистично предположила:

— А может, это не мы бестолковые, а закрывающий механизм сломался?

— И это радует, — загробным голосом сообщила Серафима, не уточняя, что именно.

— Или его можно закрыть только с другой стороны двери?

— Идиотизм, — изрекла приговор подобному конструкторскому решению проблемы Сенька. — Хотя... по идее, снаружи всё равно должна быть такая точка...

— С-снаружи?..

— Ну да. На само м складе. Где-нибудь на стене. Рядом, надеюсь.

— П-пойдем... т-тогда... п-поищем?.. — срывающимся от страха голосом прошептала Эссельте.

— Ты можешь остаться здесь, — великодушно предложила Серафима.

— Здесь?..

Эссельте представила, как сидит в полном одиночестве в абсолютной тьме в подземном коридоре без входа и выхода, перед захлопнувшейся вдруг дверью, гадая, кто первый ее отыщет — калиф, колдун или крысы, и энергично вскочила на ноги.

— Нет, я с тобой!

— Ладно, только держись за меня, и тихо! — повелительно шепнула царевна, положила руку

гвентянки на свое плечо, и мягко ступая, двинулась вперед, в подземное царство круп и окороков.

Если в глубине души принцесса и рассчитывала, что стоит им выйти из тоннеля, как тут же вокруг станет чуточку светлее, то надежды ее не оправдались самым жестоким образом. И тихо и печально вздохнув, она отпустила воротник халата подруги и позволила усадить себя на кучу сваленных у стены пустых корзин.

Постоянно оглядываясь по сторонам в ожидании неприятностей и неприятелей, Серафима затащила в приоткрытый проход мешок с мукой — во избежание сюрпризов в виде внезапных и быстрых срабатываний закрывающего механизма — и принялась методично ощупывать в различных комбинациях прилегающие к проему камни.

Оказывается, сидеть на перевернутой на бок корзине было не так удобно, как Эссельте всегда считала. Более того, она не предполагала, что крышки и бока корзин в Шатт-аль-Шейхе из каких-то извращенных соображений делаются исключительно из очень коротких, острых, плохо закрепленных лозинок, торчащих во все стороны, очевидно, вынюхивая жертву, а отыскав, тут же принимаются царапать и цепляться за всё, что только ни попадется в их радиус поражения.

А так как попадались им в данный конкретный промежуток времени попеременно и

синхронно то ноги, то руки, то и без того немногочисленная и выдавшая виды одежда принцессы, терпение Эссельте кончилось очень скоро. А с ним и сказка «Принцесса на корзине».

Желая переменить положение многострадальных икр и всего, что находилось выше них, гвентянка приподнялась слегка, повернулась, нечаянно зацепилась рваным подолом за выставяющуюся острую лозу...

Сухой упругий шершавый стук десятков падающих, ряд за рядом, корзин заставил Сеньку подскочить, развернуться... и молниеносно прикрыть глаза от яркого, резанувшего их света левой рукой. Правая не менее молниеносно метнула в источник света как по волшебству оказавшийся между пальцами нож.

Если бы светящийся шар висел у расprostертого на полу человека не над головой, а у лица, одним выпускником ВыШиМыШи в следующий миг стало бы на Белом Свете меньше. А так, пролетев сквозь комок желтоватого сияния, нож смачно воткнулся по рукоятку в копченый бараний бок в нескольких метрах от испуганно вытаращившего глаза волшебника, а внезапное освещение мигнуло и погасло... Но не прежде, чем Серафима, подобно стеллийской богине мщения Грампии, обрушилась на невесту откуда взявшегося подозреваемого во всех смертных и бессмертных

грехах сулейманина.

Только быстрая реакция не позволила ему тут же превратиться в осужденного, приговоренного, а, заодно, и в приконченного.

— Не выдавайте меня!!!.. — успел сиплым шепотом выкрикнуть он, и второй нож царевны в последнюю секунду завис в сантиметре от его горла.

— Кому не выдавать? — убедившись, что поверженный в прах и муку оппонент не обнаруживает ни малейшего желания оказать сопротивление — ни физическое, ни метафизическое — практично уточнила Сенька. — И сколько за тебя дадут?

— Не знаю... — жалко вздрогнул под ее рукой чародей. — Но если меня схватят... мне отрубят голову... как Казиму...

— Кому? — строго переспросила царевна.

— Тому парню... который хотел занять мое место... злой колдун, его называли... а он не злой был... просто дурак... и в ВыШиМыШи поступить не смог... тут учился... в училище техники профессиональной магии... и всегда мне завидовал... и злился... что не его на эту вакансию приняли... а меня...

— Которого казнили за то, что он наводил темные чары на калифа и его дворец? — раздался из темноты настороженный голос Эссельте.

— Да, да, тот самый! — обрадовался пониманию сулейманин.

— А тебя за что Ахмет ищет?

— Он... меня... — чародей снова сжался в комок страха и нервов. — Он обвиняет меня, что это я устроил землетрясение, под которым погибли его иноземные гости.

— А это не так? — вернулась к реальности из волшебных сказок сомнительной достоверности и процедила сквозь зубы царевна.

— Н-но... вы же живы?.. — растерянно пробормотал юноша.

— Сама знаю, — любезно сообщила Сенька, снова вспомнила об Иване — словно кислотой в открытую рану плеснула — и холодная сталь короткого, но очень острого лезвия плотно прижалась к шее злосчастного волшебника. — Это ведь ты по его приказу устроил...

— Нет!!! Сулейманом премудрым клянусь — нет!!! Не я, не я, не я!!!.. — испуганно заверещал тот.

— А кто еще-то, кроме тебя, отличник драный? — истекая ядовитым сарказмом, ласково проговорила царевна, изо всех сил сдерживаясь, чтобы не закончить эту нелепую беседу скоро и бесповоротно.

— Не знаю!.. — всхлипнул отчаянно опальный волшебник. — Но я не виноват, честное

слово, не виноват! Я это землетрясение даже не почувствовал, и даже не знал о нем! Я вообще готовил световое шоу на завтрашний вечер у себя в лаборатории, когда под окнами случайно услышал, как сотник Хабибулла приказывал стражникам найти меня и арестовать, потому что я... я... Но ведь я этого не делал!!!.. Честное слово!!! И не смог бы, даже если бы и захотел!!!..

— Почему? Ты же маг, с красным дипломом...

— Я по направлению учился! От старого придворного чародея, премудрого Сейфутдина ибн Сафира, который три месяца назад умер! И с первого курса у меня специализация была на кафедре изысканных удовольствий и наслаждений, шесть пар в день, плюс практические, плюс самостоятельные, плюс лабораторные и факультативы — я их все посещал!.. А еще контрольные, проверочные, корректировочные, курсовые, рефераты, диплом, госы!.. Зато сам господин ректор Уллокрафт сказал, что любому монарху Белого Света иметь среди своих придворных такого мага, как я, будет сплошное изысканное удовольствие!..

Серафима задумалась. То, что произошло в гостевом дворце сегодняшней ночью, к изысканным удовольствиям, не говоря уже о наслаждениях, не смог бы отнести даже самый

извращенный ум.

— А почему ты именно здесь спрятался? — воспользовавшись продолжительной паузой, спросила принцесса.

— Никуда больше не смог пробраться... — удрученно вытянулась круглая физиономия чародея. — Везде была стража, искали меня... Только на кухню дорога была еще свободна... А подвалы эти огромные... и навалено тут столько всего... и я подумал, что, может, я тут отсижусь... а когда всё уляжется... и если меня не найдут... может... я смогу незаметно... как-нибудь...

Давление ножа, неожиданно для понурого мага, сначала ослабло, а через секунду исчезло совсем. Локоть Сеньки убрался с его груди, а вместо этого за руку его схватила ее рука.

— Вставай, отличник...

— В-вы... больше не думаете, что я?... — изумился юноша.

— Если бы ты действительно мог превратить за несколько минут целый дворец в груды развалин так, что никто вокруг этого не почувствовал, ты не стал бы прятаться от какой-то стражи под корзинами в подвале, как нашкодивший кот, — царевна неохотно признала его непричастность к происшедшему.

Не зная, радоваться ему, получив такое суждение, или обижаться, специалист по

изысканным удовольствиям послушно сжал протянутую ему руку и неуклюже поднялся.

— Как тебя зовут? — спросила из темноты принцесса.

— Абуджалиль, госпожа, — с галантным поклоном в сторону голоса ответил сулейманин. — А вас...

— Абуджалиль!!!..

Беглецы замерли.

— Абуджалиль, отзовись!!! Тебе не спрятаться от нас!!! Мы всё равно тебя найдем!!! Выходи лучше подобра-поздорову!!!

Грубый сиплый голос доносился издалека, приглушенный многочисленными столкновениями с сотнями колбас, окороков, мешков, тюков и ящиков, и царевна в который раз подивилась, насколько велик может быть продуктовый склад такого огромного дворцового комплекса, как этот.

Реакция молодого волшебника на вызов была несколько иной.

— Они узнали, что я здесь!.. Я пропал!.. Я погиб!.. Я покойник!.. — осев на колени и иступленно ломая руки, жалобно зашептал он. — Премудрый Сулейман, помоги мне, помоги!..

— Они — это кто? — тихо, но строго прервала поток самооплакивания Сенька.

— Это сотник Хабибулла со стражниками... Они обыскали все и пришли сюда... я погиб...

Вдалеке, за редутами из расфасованных по коробам припасов, вспыхнул большой огонь, тут же рассыпавшийся на несколько маленьких, не больше светлячков, неспешно расплзшихся в разные стороны, — это с десятков стражников с факелами разбрелись по огромному хранилищу в поисках забившейся в угол загнанной, но упрямо не сдающейся жертвы.

— Якорный бабай... — обреченно прошептала Серафима. — Сейчас они сюда заявятся, а у нас ход нарастапашку...

— Какой ход? — с надеждой встрепенулся маг.

— Подземный, кабуча ты сулейманская! — огрызнулась Сенька. — А ты думал, мы сквозь землю сюда просочились, как привидения?

— Но тогда мы спасены!!!

— Спасены, — угрюмо подтвердила царевна. — Если сумеем его закрыть за собой. А иначе полдворца через десять минут будет за нами охотиться.

— За вами? — опешил сулейманин. — Зачем?

— Чтобы добить, наверное, — коротко хмыкнула она.

— Добить?.. Вас?.. — изумленно вытаращил глаза юноша. — Но зачем?! Кто посмел?!.. Если кто-то вас обидел, вы можете пожаловаться его сиятельному величеству!..

— Сима, а и вправду?.. — взяла ее за плечо принцесса. — Почему бы нам не пойти к калифу Ахмету и всё не рассказать? И заодно скажем, что Абуджалиль не виноват!

— Пожалуйста?.. — устремил умоляющий взор на голос волшебник.

— Нет, — решительно и одним словом отвергла обе идеи Серафима. — Хотите верьте, хотите нет, но копчиком чую — не надо этого делать.

— Почему?..

— Не знаю. Всё. Переговоры окончены. Пойдем. Раз дверь всё равно не закрывается, не будем время терять.

— Но погодите... Я же как раз недавно читал в записях предшественников премудрого Сейфутдина ибн Сафира, как открываются и закрываются секретные двери дворца! — радостно затрепетал голос Абуджалиля. — Только в разных местах по-разному... и, откровенно говоря, я не запомнил, где и как, потому что даже сам премудрый Сейфутдин ибн Сафир не знал, где хотя бы одна такая дверь расположена, а забивать голову бесполезной информацией, когда...

— Вон там она расположена, вон там!!! — яростно прошипела Серафима в ухо пристыженно прикусившего язык чародея, схватила его за шкирку и потащила к зияющему тьмой проему. —

Ищи!!!

— Но я не вижу...

— Держи.

На палец сулейманина было нахлобучено странное маленькое колечко, и сразу темнота перед его глазами как будто побледнела и потеряла цвет.

— Трудись, чернокнижник. Да быстрее!

— Угу...

Чернокнижника не надо было уговаривать: из угла в угол по всему хранилищу беспорядочно перемещались огни факелов и доносилась оживленная переключка стражников, усердно перерывающих¹⁴ элитные калифские припасы.

И один из дворцовых вояк, хоть неспешно, и непрямо, но перемещался сюда.

Серафима подтолкнула принцессу в ту сторону, где должна была находиться заклинившая дверь, а сама, взяв наизготовку извлеченный из туши нож, заняла оборонительную позицию за углом стены из тугих и длинных мешков с мукой.

Бредущий в их сторону свет задержался на полминуты на одном месте, потом на другом, затем пропал из виду ненадолго — похоже, факелоносец

¹⁴ А иногда и пережевывающих — когда еще доведется отведать, что подают на стол его сиятельному величеству, высокородным придворным и гарему?

то ли искал Абуджалилия в щели пола, то ли присел втихаря за ящиками схарчить чего-нибудь эксклюзивного.

— Скоро ты там? — нетерпеливым шепотом бросила через плечо Сенька.

— Н-не знаю... н-наверное... с-скоро... н-не поддается... п-почему-то... — донеслось приглушенно с той стороны, где незадачливый чародей пытался расколоть секретный код династии Амн-аль-Хассов.

— Давай быстрее!

— Ага... Я с-стараюсь...

Никак не комментируя его старания чтобы не нарушать концентрации объекта, но, главным образом, чтобы не культивировать в нем стратегический межконтинентальный комплекс неполноценности, ¹⁵ царевна закусила губу и тревожно устремила взгляд на факел, вынырнувший из-за своего временного укрытия и снова поплывший в их сторону.

«Сверни куда-нибудь, сверни, сверни, вернись, уйди, передумай, проваливай отсюда к бабаю якорному, проваливай, проваливай, проваливай...» — умоляла про себя Сенька не видимого из ее засады хранителя дворцового покоя

¹⁵ Хотя и очень хотелось.

— но без толку. Свет, снова задержавшись ненадолго над желтыми коробами слева, через минуту стронулся с места и поплыл к ним.

— Быстрее, ты, чудодей, быстрее!!!.. — прошипела она снова, но лишь исступленное пошлепывание камней было ей в этот раз ответом.

Факел в это время обогнул редут из бочонков с соленьями, преодолел бруствер из сеток с луком, быстрым шагом прошел вдоль мучной крепостной стены, и шагнул за угол.

— Ах, вот ты... — только и успел сказать он, как из темноты прыгнуло ему на грудь нечто разъяренное, повалило на пол, выбив факел из рук, приставило к голу нож... и замерло.

— К-кабуча... — скривившись болезненно, словно поранившись о собственное оружие, простонала Сенька. — Обязательно это должен был быть ты...

Желто-оранжевый неровный свет озарил ее страдальчески искажившееся лицо...

— О прекрасная пэри, острота чьих слов может соперничать лишь с остротой ее кинжалов... — расплылся в умильной улыбке Селим Охотник.

— Если пикнешь громко — прирежу, — скроив зверскую мину, пообещала царевна, с тоской душевной сознавая, что убить этого болтливого, добродушного служаку,

приветствовавшего их первым на сторожевой башне, а теперь еще и назвавшего ее прекрасной кем-то там, не сможет никогда.

— Молчу, молчу, о чудесная волшебница очей и стали, что искусно пришла на помощь старому солдату в миг нужды!.. — пылко поспешил ее заверить Селим, мечтательно завел глаза под лоб, и страстно прошептал:

О, прекрасная пэри, чей воинственен вид,
Ты горька, как полынь, и сладка, как набид!
Если слово твоё, словно молния, ранит,
То поступок, как чаша бальзама, целит!

Щеки Сеньки, впервые в своей богатой на сюрпризы и новые впечатления жизни получившей сходу такой замысловатый, да еще и поэтический комплимент, зарделись. Но полностью отдаться блаженству заслуженной благодарности мешал один нудящий и зудящий на грани понимания момент.

— А причем тут... этот?.. Набат? Напит? Набит? — одолело любопытство, и царевна нехотя признала свое культурологическое бескультурье.

— Набид, наш любимый напиток, — охотно пустился в пояснения стражник, — Вообще-то, он делается из фиников и изюма. Но я люблю, когда моя жена добавляет туда еще и инжир и курагу...

— Компот! — обрадовалась пониманию Серафима.

— Для взрослых, — со сладкой улыбкой согласился Селим и лукаво подмигнул.

— А, брага! — довольно ухмыльнулась Сенька. — Так бы сразу и говорил!

— «Брага» здесь не в рифму, о возвышенная пэри моих очей, — виновато заморгал сулейманин, и тут же физиономия его приобрела вид грустный и огорченный. — Но если тебе не пришелся по вкусу незрелый плод моих тщетных усилий...

— Нет, что ты, он очень... — Сенька смущенно поискала подходящее слово, и нашла: — ...вкусный!

— О, слова твои — шербет для моей жажды! — отлегло от сердца Охотника, и он снова заулыбался. — И как же я безгранично рад, что после того, что случилось ночью, ты жива и здорова! А подруга твоя, небесная гурия с лицом, лишаящим мужчину разума, покоя и сна?..

— Там, где-то рядом с Абуджалилем, — мотнула в сторону головой царевна, и тут же замерла. — А... остальные наши? Ты что-нибудь знаешь про...

— О, да, конечно, дивная пэри! Все они спаслись благополучно на ковре-самолете, равного которому не знала еще не только просвещенная Сулеймания, но и весь Белый Свет!

— Все четверо? — напряженно подалась вперед Сенька, боясь поверить желанной новости.

Селим наморщил лоб, словно припоминая полузабытые мелкие подробности, и уверенно кивнул, чуть не покончив жизнь самоубийством:¹⁶

— Да, все. Двое были без сознания, а двое — живы и здоровы, и боролись до последнего. Один, который утром был с рогами, здоровый, как ифрит, все время кричал, чтобы ковер... его ведь зовут Масдай, да?.. вернулся за вами, но...

— Боролись? — едва успокоившись, Серафима снова встревоженно свела брови. — С кем?

К ее удивлению, такой простой вопрос вызвал у старого Селима тяжелый ступор.

— Я... я... я... не знаю... не могу сказать... — сбивчиво забормотал он и отвел неловко глаза. — Я... не понял...

— Что? — яростно вцепилась царевна в обшитую стальными пластинами кожаную рубаху стражника. — Что ты не понял? Что не знаешь?

— Я... не могу сказать...

Лицо Охотника стало потерянным и несчастным.

— Не скажу... не могу... Не могу, о дивная

¹⁶ Хорошо, что Сенька успела вовремя отдернуть нож.

пэри, даже рискуя навлечь на свою несчастную голову громы и молнии твоего справедливого гнева — не могу!

— Но почему? Почему?!..

С того конца подземелья, где оставался стоять, подобно языческому истуканчику, сотник Хабибулла, внезапно раздался топот подкованных сапог, спускающихся сверху по лестнице, звон алебард и кольчуг, голоса — негромко, но быстро что-то выговаривающие, и почти сразу же за этим — протяжный крик знакомого противного голоса:

— Сели-и-и-им!!!

Стражник застыл.

— Селим, сюда иди срочно! Его превосходительство караул-баши желает тебя видеть незамедлительно, старый болван!

— Молчи! — прошипела ему на ухо Серафима, нож снова наготове, но Охотника не надо было ни уговаривать, ни даже дополнительно запугивать. Даже при скудном рваном свете коптящего на полу факела царевна заметила, как налилось смертельной бледностью смуглое лицо сулейманина и расширились испуганно и жалобно карие глаза.

— Что с тобой? — встревожилась Эссельте.

— Я пропал... я погиб... я покойник... — обреченно выдавил Селим вместо пояснения.

— А еще что? — поборола чувство дежа-вю и

терпеливо уточнила Сенька.

— Он... видел... что я видел... — словно не слыша адресованного ему вопроса, продолжал шептать стражник. — Я так и думал... так и думал... что он заметил... О, премудрый Сулейман, насколько ты был всеобъемлющ и разумен, настолько раб твой Селим скудоумен и туп... И зачем только я поперся в этот проклятый сад в эту треклятую ночь...

— Сели-и-и-и-им!!! Отзовись!!! Ты что, оглох, олух?! Зовите его, зовите все!!! Колдуна найдете потом! Ищите Селима!

И бескрайние, погруженные во мрак и какофонию запахов просторы склада огласились нестройным хором голосов, выкликающих наперебой имя Охотника, сокрушенного одному ему понятным горем.

— Это конец пришел моему земному пути... — убито промолвил старый стражник, обмяк под хваткой Серафимы как полупустой мешок с мукой, и в тоске и унынии зашептал нараспев, будто читал некролог над собственной могилой:

Пусть не страшит меня судьбы моей конец:

Из праха сложены и лавка, и дворец.

Быть может, прахом став, я сделаюсь
дорогой —

Тропой любви для пламенных сердец...

— Слушай, Селим, ты можешь хоть теперь внятно сказать, что случилось? — сердито трянула его за грудки царевна. — Какой дворец? Каких сердец? У меня с тобой скоро у самой сердечный приступ наступит! Какой конец? Отчего?

В ту же секунду из-за спины ее раздалось ликующее шипение специалиста по удовольствиям:

— Ура, заработало!!! Почтенные девы, скорее сюда!!! Я нашел! Я смог! Я закрыл! То есть, не закрыл, потому что тут мешок мешается, но иначе бы закрыл!

— Молодец, только мешок убирать не надо, сейчас идем! — бросила через плечо Сенька и нетерпеливо воззрилась на стражника, окончательно поникшего бритой головой.

— Кончай страдать, батыр. Пошли.

— Ты выдашь меня моим палачам, о пресветлая пэри? Да, соверши это славное дело, обрушь все кары Белого Света на почти седую голову... если бы она не была почти лысой... ибо старый Селим заслужил всё это, и даже больше, своей непроходимой глупостью... О, сколько раз твердили Селиму...

— Интересно, когда в этой дурацкой стране громко и в самое ухо людям говорят, что за спиной у них открытый подземный ход, по которому

можно сбежать, хоть один человек здесь может среагировать адекватно?! — не выдержав второго подряд испытания, яростно прорычала Сенька, вскочила на ноги и бесцеремонно ухватила за рукав потерянного и жалкого сулейманина.

— Вставай, кабуца ты сулейманская!!! Оторви от пола свои штаны и двигай ногами, пока тебя не повязали! Подземный ход закрывается через десять секунд! Считаю до трех! Отсчет пошел!!! Раз... два... два с половиной... два с четвертью... два с хвостиком... два на краешке... два на ниточке...

— Подземный ход?.. Подземный ход?! — стражник будто очнулся вдруг ото сна.

— Да, да, да! Два на волосиночке...

— Так что же ты раньше молчала, о дивная пэри моей мечты?!..

История, стыдливо рассказанная Селимом, подтвердила как самые худшие опасения Серафимы, так и едва зарождающуюся среди северных дам репутацию старого стражника.

Сменившись с караула когда уже изрядно стемнело, Селим, воровато оглядываясь, пробрался в сад, окружающий Малый Круглый гостевой дворец, нарубил саблей с клумб огромную охапку роз, и стал уже прокрадываться ко входу, чтобы, разделив пополам, совершить возложение цветов, так предусмотрительно выращенных тут трудолюбивыми садовниками, в два адреса, как

вдруг случайно заметил в открытой арке входа движение. И из темного, как городская аллея, холла вышел, оглядываясь не менее воровато, чем сто Селимов, сам калиф. В панике выронив букет, стражник юркнул за ближайшее дерево, габаритами своими позволяющее скрыться его далеко уже не юношеской фигуре, и притаился.

Отойдя на несколько метров от дворца, Амн-аль-Хасс повернулся к нему лицом и слегка притопнул.

Тому, что происходило дальше, заслуживающие до сих пор всяческого доверия глаза Охотника верить отказывались даже после того, как он их несколько раз протер кулаками, промыл из фонтана и просушил рукавом. Ибо увидел он, как в такт каждому притопу правителя благословенной Сулеймании неподвижный доселе, как и все его порядочные собратья дворец стал сотрясаться и рушиться, пока, наконец, не обвалился совсем. Почти одновременно с этим из руин вылетел ковер-самолет гостей, покружил, борясь с невесть откуда взявшимся самонаводящимся оперативно-тактическим ураганом, и улетел в сторону города.

— ...едва они пропали из виду, я развернулся и побежал из этого сада так, будто сам правитель нашей страны гнался за мной с ветрами и землетрясениями в стиснутых в гневе кулаках.

Старый Селим, может, и выжил из ума, но сообразить, что если калиф узнает, что кто-то его видел, когда он колдовал... Или, если быть совсем точным, что я его видел, когда он колдовал... На это мозгов у меня еще хватило. По правде, я думал, что, если даже он найдет цветы, то всё равно не узнает, кто их тут уронил...

Сумбурный рассказ сулейманина на этом месте уныло сошел на нет.

— Не расстраивайся, Селим, — утешающее похлопала его по плечу Серафима. — Мы тут тоже много чего думали... даже еще час назад... не ты один...

— А розы... какого они были цвета? — смущенно поинтересовалась принцесса из-за спины Охотника.

— Алые как летний закат... янтарные точно финиковый мед... — с готовностью принялся перечислять сулейманин, полуприкрыв блаженно глаза, — были бежевые словно топленое молоко... белые, подобно крыльям гордого лебедя... бордовые, будто терпкое вино Тарабарской страны... розовые, что твои ланиты, о волшебная гурия северных садов рая...

— Как красиво... — мечтательно вздохнула Эссельте. — А как они, наверное, пахли... аж голова кругом пошла... Я так люблю розы!.. Спасибо...

— Был рад осветить ваш пасмурный день скромным теплом моего сердца... — галантно взмахнул факелом и потушился Селим.

— И калифского цветника, — с присущей ей любовью к истине в самые неподходящие моменты, автоматически добавила царевна.

Пройдя еще несколько шагов, беглецы остановились перед новой развилкой. Одна ветка коридора шла прямо и вперед, другая — налево и вверх.

— Куда идем? — спросила зачем-то у товарищей по несчастью Серафима, словно те без нее ходили этими кротовыми тропами каждый день по три раза.

Селим и Абуджалиль озадачились вопросом всерьез.

Один — скрестив руки на груди, другой — зажав в щепоти подбородок, принялись они тщательно и подробно обсуждать, куда бы могли привести оба этих коридора.

— Мы вышли со склада, прошли сначала так, потом так, затем свернули сюда и сюда, значит, этот идет в сторону овального бассейна, а правый — к зимнему дворцу, — изображая руками план дворцового комплекса Амн-аль-Хассов, горячо убеждал собеседника стражник.

— Нет, мы там повернули не сюда, а слегка туда, значит, этот ход должен вести к беседке

Успокоения, а правый — в гарем... — не уступал юный волшебник.

— В гарем?.. — вспыхнули неземным огнем очи Охотника.

— ...а, значит, нам там делать нечего, — с тайным вздохом томной грусти подытожил выпускник кафедры удовольствий.

— Ты, Абуджалиль, за себя говори, — сурово проворчал Селим, но настаивать не стал, а вместо этого передал с поклоном факел Серафиме, пристроился бок о бок с молодым специалистом, поставил в воздухе высвободившуюся ладонь стеночкой у своей груди, и снова начал:

— Смотри, о неразумный выюноша. Склад у нас здесь. Когда мы вышли из того ответвления, главный тоннель шел вот так...

В конце концов старому служаке удалось убедить всех, включая себя, что если пойти по правому коридору, то пройдут они сначала мимо зимнего дворца, потом — под площадью ста фонтанов — и, в конце концов, выйдут напрямик за территорию обширного как город дворцового комплекса.

— ...и окажемся в какой-нибудь лавке, караван-сараяе или доме — да какая разница, где!.. Нам лишь бы выбраться отсюда, а там — ищи песчинку в пустыне! — закончил старый стражник на оптимистической ноте речь в защиту своей

версии их дальнейшего маршрута, и Абуджалиль сдался.

— Хорошо, хорошо, Селим-ага, — покорно вскинул он ладони и замотал головой в знак капитуляции. — Вы служите тут раз в сорок дольше меня. Наверное, вам виднее.

— Естественно, мне виднее, — самодовольно усмехнулся слугитель порядка, забрал догорающий и неистово чадающий факел из рук Сеньки и важно, будто выиграл не спор, а битву, возглавил нестройную процессию.

К несчастью, очень скоро выяснилось, что победа Охотника была пиррова — коридор, на который возлагалось столько надежд, обрывался пыльным тупиком метров через триста.

Даже по самым оптимистичным предположениям Селима для того, чтобы хотя бы добраться до дворцовой стены, нужно было пройти расстояние раза в три большее.

— Возвращаемся и идем к тому коридору? — царевна обвела взглядом разочарованные лица туземных советников.

Селим выглядел так, словно его радужные теории побега провалил не какой-то безликий подземный ход, а его самый лучший друг.

— Возвращаемся... — подавленно выдавил он, протягивая волшебнику дотлевающий черно-оранжевым факел.

— Погодите, а, может, это не тупик, а еще одна потайная дверь? — пришла в голову Эссельте не слишком оригинальная, но весьма своевременная мысль. — И стоит ее открыть?

— Зачем, о прелестная гурия? — недоуменно уставился на нее стражник. — Чтобы нас увидели?

— Селим, сейчас ночь, все спят, кто там нас увидит! А мы заодно убедимся, что идем... то есть, шли... в правильном направлении!

— Д-да?..

Сулеймане переглянулись, посмотрели на Серафиму и, получив одобрение этого плана действий за неимением лучшего, взялись за дело.

Факел, как символ мужского лидерства их маленького отряда, снова поменял руки, а освободившиеся пальцы юного чародея взялись за ставшее уже привычным дело постукивания и пошлепывания камней в поисках «ключа».

На этот раз притворяющаяся каменной стеной секретная дверь поддалась уговорам адепта магии быстро. И не успели девушки соскучиться и начать жалеть, что вообще подали эту идею, как панель скользнула и ушла вбок, оставив вместо себя узкий проем, заполненный густым мраком, присыпанным сверху далекими звездами, как шоколадный кекс — сахарной пудрой.

Честно выполнивший свой долг факел мигнул в последний раз и погас, оставив после себя на

сетчатках избалованных светом глаз разноцветные блики, и окружающий мир, так и не успевший заметить их нежданное присутствие, снова погрузился в темноту.

— Где это мы?.. — нервно прошептал Абуджалиль, то исступленно моргая отказывающимися привыкать ко тьме очами, то яростно протирая их кулаками.

— В зимнем дворце? — неуверенно предположил Селим, старательно проделывая те же операции, что и его соотечественник.

— Народу тут ночью много бывает? — настороженно прошептала Сенька, так же бестолково мигая и жмурясь.

— Никого, — тихо проговорил Охотник. — Сейчас не сезон. На весну, лето и осень его закрывают — слишком много окон на юг, слишком жарко...

— А еще тут какое-то тряпье в углу понавалено... вроде...

— Ремонт идет, — коротко сообщил стражник.

— Крышу уже своротили? Вон какая дыра...

— Крыша на месте, — снисходительно усмехнулся иностранному архитектурному невежеству сулейманин. — И это не дыра, о загадочная северная пэри. Это называется «окно в небо»...

— А как же дождь?

— Так ведь для того и делаются они, о удивительные пэри холодных краев! Представляете, как приятно промокнуть раз в семь-десять лет хоть на пять минут!.. Я слышал, они были придуманы специально для тех, кто боялся пропустить это восхитительное водяное явление, — любезно сообщил старый стражник. — Вдруг, пока ты выбегаешь из дома, оно уже закончится?

— У нас такие бы делались для тех, кто боится пропустить солнце, — со вздохом прошептала принцесса.

— Окно в небо?.. — словно очнувшись, переспросил вдруг юный выпускник ВыШиМыШи.

— Ну да, — удивленный вопросом оттуда, откуда его было быть не должно, вежливо прошептал в его сторону Охотник. — Окно в небо.

— Окно в небо?.. — словно непонятливый, снова недоуменно повторил он себе под нос. — Окно в небо?..

Тем временем принцесса нетерпеливо ткнула Сеньке губами в ухо.

— Что ты еще видишь?

— Да ничего пока не вижу... д-дура старая... потарасилась на огонь... молодец... ума хватило... — раздраженно прошипела сквозь зубы Серафима, и вдруг замерла.

Фразы Абуджалиля «А разве в зимнем дворце

есть окно в небо?» и Сенькина «Тс-с-с-с!!! Ложись!!! Кто-то идет!!!» прозвучали одна за другой, и все четверо тут же бухнулись — кто на пол, самые удачливые — сверху импровизированной кучи-малы — и застыли, трое исподтишка кося на усеянное звездами небо в центре потолка.

Дальше события происходили почти синхронно.

Куча тряпок в дальнем углу неожиданно приподнялась и испуганным женским голосом спросила: «Кто здесь?». Просочившаяся из коридора крадущаяся тень рывком отделилась от стены и метнулась на голос. При свете далеких звезд в руке ее блеснул огромный, жуткого вида кинжал. Сенька, не терявшая из виду театр боевых действий ни на миг, почти рефлекторно выбросила вперед руку, и метательный нож маленькой молнией устремился к антиобщественно настроенной тени. Далее последовал короткий тихий всхрип, глухой стук падающего тела и, после секундного замешательства — душе- и ушераздирающий, как сирена воздушной тревоги, визг — сначала одиночный, но уже через пару мгновений подхваченный несколькими десятками женских голосов.

— Премудрый Сулейман... — не веря себе, словно кот, которого намереваются утопить в

сметане, мученически простонал Селим откуда-то из-под Серафиминого локтя. — Прости нас, грешных... Мы не в зимнем дворце...

— А где? — поинтересовалась слева Эссельте.

— Мы в гареме...

— Проводники, прабабушку вашу сулейманскую за ногу!!!.. — взрыкнула яростно царевна, вскочила, хватая за шкирку гвентянку, чтобы бежать в спасительное укрытие потайного хода...

И остановилась.

Стена за их спинами под портьерой с цветочным узором была девственно ровна и чиста, без единого намека не то, что на сдвижную панель или секретный коридор за ним, но и на банальные трещины, царапины или неровности.

Ход пропал.

— Кабуча... — вырвалось у ней потрясенное, и хотя остальные в полной почти тьме не видели подробностей, по тону ее голоса и без них было понятно, что на сей раз забавница-судьба припасла им не простую гадость, но нечто на редкость выдающееся и монументальное.

А вокруг уже поднялся не просто беспорядочный ор, но полноценный переполох.

Снаружи забегали-замелькали грузные фигуры евнухов в струящихся рубахах-джалабеях и с зажженными наспех лампами. Перестав для

разнообразия вопить, жены и наложницы калифа высыпали наружу и заметались, сталкиваясь, спотыкаясь и перепуганно гомоня наперебой и на поражение. Зазвенела переворачиваемая в панике посуда и мебель, беспорядочно зашлепали туфли и босые ноги по мрамору и коврам...

— Кто кричал?..

— Где кричали?..

— Кто слышал?..

— Где началось?..

— Все в порядке?..

— Все живы?..

— Так кричали, так кричали!..

— Будто режут!..

— Кого режут, кого режут?..

— Кто кричал?..

— Где кричали?..

— Я не смогу ничего открыть, я всё забыл!.. У меня руки трясутся!.. — жалко пискнул обладатель красного диплома в ответ на попытку царевны подтащить его к пропавшей двери.

— А голова не отваливается? — угрожающе напомнила Сенька.

И напрасно. Юный маг схватился за голову, будто она и в самом деле устремилась поучаствовать во всеобщей суматохе в роли футбольного мяча, опустился на пол и тихонько заскулил.

— Трус!!!..

— Я пропал...

— Абуджалиль, сынок, не позорь...

— ...я погиб...

— Юноша, ты смелый, ты отважный, ты спокойный...

— ...я покойник...

К этому времени, поняв всю непродуктивность своей суеты, евнухи остановились посреди огромного общего зала, разгороженного не доходящими до потолка стенами на отдельные комнатки с занавешанными полупрозрачными портьерами входами, и самый сообразительный из них провозгласил властным фальцетом:

— Внимание, переключка!!! Все выходят из будуаров сюда!!! Услышав свое имя, каждая женщина должна громко и четко воскликнуть «Здесь!» Всё понятно?

— Всё!!! — грянул дружный женский хор.

— Все вышли?

— Все!!!

— Помощник старшего евнуха... меня...

Наргиз Гололобий... список у тебя?

— Да, господин старший евнух!

— Читай!

— Кхм-км-кхм... Абир!

— Я тут, со мной всё в порядке!

— Анбар!

— А я думаю, это Абла кричала!

— Абла!

— Нет, это не я! А по голосу — Варда!

— Не кричала я, не кричала!

— Варда, это ты?

— Я, голубь, я!

— Кричала ты?

— Нет, кричала не я! Это, вроде, Анбар
голосила!

— Сама ты голосила!!! Вафа это была, Вафа!

— Да тихо вы!..

— Что-о-о-о?!!

— Да как ты смеешь?!..

— Да что ты сказал нам?!..

— Да кто тебе...

— Да тихо вы говорите слишком, слышно
плохо, вот что!.. Прости, Сулейман...

— А-а-а...

— Наргиз, отставить разговорчики! Дальше
читай список!

— Да, господин старший евнух... Слушаюсь,
господин старший евнух... Вафа!..

— Я тут, Наргиз-ага!

— Видад!

— А меня пропустили!..

— И меня!

— И меня!..

— А я здесь!

— И я! Только меня не кричали!

— Ну и что, меня тоже!

— До тебя еще очередь не дошла, Зайна!

— А до тебя так дошла!

— Премудрый Сулейман...

— Отсутствует!

— Абла, опять твои шуточки?

— А почему чуть что — сразу Абла?!

— А почему это ее два раза выкрикнули, а меня опять пропустили?!

— Ну почему, почему в юности я не стал искать легких путей и не пошел в укротители львов, или в заклинатели змей, или в глотатели мечей, о премудрый Сулейман?!..

— Пикнешь громко — убью...

Последняя фраза принадлежала грозно оскалившейся Серафиме, и не была услышана никем, кроме той, кому она была адресована.

— Кто... вы?.. — срывающийся от страха шепот был еле слышен на фоне гомона и выкриков в центре зала гарема.

— Мимо проходили, — правдиво ответила на вопрос Сенька. — А ты кто?

— Я... наложница его сиятельного величества... калифа Сулеймании... Ахмета Гийядина Амн-аль-Хасса... И меня... зовут... Яфья...

— Значит, переключка до тебя не скоро дойдет.

— А... откуда... ты знаешь?

— Шаман, однако, — усмехнулась царица и повернулась к Селиму.

Тот за ее спиной при просачивающемся через газовую портьеру скудном свете придирчиво ощупывал и осматривал одетого во всё черное несостоявшегося убийцу, пытаясь определить, кто же возглавлял на ночь глядя крови скромной наложницы правителя Сулеймании.

У закрывшейся двери потайного хода Эссельте старалась привести в чувство молодого отличника.

У Селима дела шли успешней.

По тому, как вытянулось лицо, встопорщились усы, и округлились его глаза, было видно, что даже слишком успешно.

— Ну что? — вопросительно мотнула головой Сенька.

— Это сам тайный палач его сиятельного величества, о всеведущая пэри, — бледнее на несколько тонов и нервнее на несколько делений, чем до изысканий, тихо проговорил Охотник. — Для особых поручений. Ассасин. Из ордена убийц. Видите, у него кинжал из двуцветной дар-эс-салиемской стали... с клеймом...

И, благоговейно сжимая изысканный клинок в

узловатых пальцах, стражник по мере сил и освещения старательно продемонстрировал царевне и красно-черную сталь, и выгравированное клеймо — крылатого верблюда, прижимающего маленькими кривыми ручками к груди устрашающего вида кинжал.

— Для лиц, особо не угодивших? — догадливо уточнила царевна.

Он кивнул.

Яфья лишилась чувств.

— Еще тебя не хватало, вдобавок к этому кудеснику недоделанному... Интересно, что *она* такого могла увидеть? Или натворить?.. — досадливо прикусила губу Серафима и раздраженно покосилась на сцену у пропавшей двери, зашедшую, похоже, как и группа беглецов несколькими минутами ранее, в полнейший тупик.

А тем временем перекличка в общем зале гарема вошла в колею и, хоть со скрипом и визгом, но приближалась к логическому завершению.

— Рафа!

— Рафа здесь, Наргиз-ага!

— Сабира!

— Тута я, тутечки!

— Самаха!

— Здесь, здесь, здесь, вон я, за Аблой стою, в синем платье с золотым шитьем, рукой тебе машу! Зайна, перестань махать, это я машу, а не ты!

— Я не тебе машу!

— И я не тебе, но ты можешь минутку не помахать?

— И я так уже целую минуту не машу — с тобой препираюсь!

— Да отметил я уже тебя, Самиха, отметил, успокойся...

— А ты не Зайну второй раз отметил? Она тоже в синем платье, только у нее шитье дешевое, простая нитка, под золото крашенная! А она думает, что про это не знает никто!

— Выскочка!

— Деревенщина!

— Мотовка!

— Крохоборка!

— Язва!

— Геморрой!..

— ЦЫЫЫЫЫЫЫЦ!!!

Сулейман

премудрый... и за что мне это всё... Самия?

— Рядом! Сзади! Сбоку!..

— К-кабуча... — прошипела Сенька. — «С» уже скоро кончится... м-м-м-м-м... Ну, чего он там, Селя?!

— Такой... малодушный... мужчина... — с трудом подбирая дипломатические выражения, тактично произнесла Эссельте, едва ли не брезгливо отряхивая руки после прикосновения к трясущемуся как овечий хвост плечу адепта

магических наук, — был бы несмываемым пятном позора на репутации любой семьи Гвента.

— Всё бесполезно... мы погибли... я погиб... — как заведенное, тоскливо бубнило невыводимое пятно, отрешенно глядя себе под ноги.

— Послушай, ты, вундеркинд! — схватила его за грудки царица. — Ты же прежде всего чародей! Тобой школа твоя гордится! Кафедра! Факультет! Написать нам ректору, что выпустили они не волшебника настоящего, а фокусника базарного, шута балаганного, да? Написать?

— Нет! — испуганно вскинулся юноша.

— Тогда чародействуй!!!

— Но я... я же не помню больше ни одного кода!.. Я все перезабыл!.. А тот, подвальный, не подходит!..

— Ты должен вспомнить!!!

— У меня не получается!.. Я слишком волнуюсь!.. Я... не могу работать в таких условиях!..

— Но ты же дипломированный специалист!!!

— Я дипломированный специалист по утонченным удовольствиям, а не по вскрытию потайных ходов!!!.. — едва не подвывая от растерянности и ужаса, взмолился Абуджалиль. — Разбудите меня среди ночи, попросите ароматизировать воду, построить воздушный замок,